

Глава 4

«ИЗ БОЕВОГО ВЫЛЕТА НЕ ВЕРНУЛСЯ»

*Наша военная молодость –
Северо-Западный фронт.
М.Л. Матусовский.
«Пушки молчат дальнбойные»*

Северо-Западный фронт, куда прибыл 580-й истребительный авиационный полк, в мартовские дни 1942 года особенно остро нуждался в авиации. Начав в январе крупную наступательную операцию, советские войска окружили в районе населенного пункта Демянск Ленинградской области (*Ныне районный центр Новгородской области*) 90-тысячную группировку немцев. В «котле» оказались шесть пехотных дивизий, в том числе дивизия СС «Мертвая голова». Ставка Верховного главнокомандования требовала «непрерывно и настойчиво сжимать кольцо окружения Демянской группировки противника и не позднее в четырех-пятидневный срок покончить с нею».

Однако бои по уничтожению немцев затянулись из-за нехватки сил, в том числе и авиации. На 19 февраля Северо-Западный фронт располагал всего лишь 142 исправными самолетами, 32 из которых — истребители. Господствуя в небе, летчики люфтваффе серьезно сковывали и затрудняли продвижение наступление советских частей. Кроме того, командование противника сумело организовать воздушный мост для снабжения своей группировки, которой ежедневно требовалось не менее 300 тонн различных грузов. Доставку немцы осуществляли с аэродромов Псков-Южный, Остров, Псков-Западный, а также с аэродромов Дно, а также Риги и Двинска. В самом «котле» в наличии имелось только две небольшие площадки Демянск и Пески.

В 20-х числах февраля командующий Северо-Западным фронтом генерал-лейтенант П. А. Курочкин и член Военного совета фронта Н. А. Булганин направили в Ставку телеграмму следующего содержания:

«Тов. Сталину.

В отношении действий авиации противника есть основания предполагать, что противник стянул против нас свою авиацию с Волховского, Ленинградского и частью с Калининского направлений. Мы же боремся с авиацией противника лишь силами ВВС СЗФ.

В результате противник удерживает за собой господство в воздухе. Считаю целесообразным для борьбы с авиацией противника и прикрытия наступающих войск СЗФ сосредоточить усилия ВВС Северо-Западного, Волховского, Ленинградского и частично Калининского фронтов, объединить их действия и обеспечить маневр ими в случае,

если ВВС противника перенесут свои действия на другое направление.

Просим ваших распоряжений».

Ставка Верховного главнокомандования положительно отреагировала на запрос командования фронта. В числе прибывших на усиление частей ВВС в район Демянского котла была 6-я ударная авиационная группа, в ее состав входил и 580-й истребительный авиационный полк. На полк, местом базирования которого стал аэродром у села Градобить, возлагалась задача перехватывать вражеские транспортные самолеты в воздухе, а также сопровождать наши бомбардировщики и штурмовики.

Уже 31 марта летчики полка вступили в боевые действия. В этот же день старшина Федор Корниенко открыл счет победам полка над врагом. В воздушном бою над деревней Брилево он сбил тяжелый немецкий истребитель Me.111.

На следующий день его почин поддержал и Маресьев, «срубив» свой первый вражеский самолет. Произошло это у деревни Истошно Новгородской области, о чем летчик подробно доложил рапортом командиру полка майору В. С. Мухину. Вот строки из этого документа: «Доношу о том, что 1.4.42 года при выполнении задания сопровождения штурмовиков была встречена группа самолетов противника Ю-52 [военно-транспортный самолет «Юнкерс Ju.52». — *Н. К.*] Во время воздушного боя мною был сбит один самолет... Я дал по нему несколько пулеметных и пушечных очередей, после чего Ю-52 пошел снижаться и упал на левую плоскость и мотор. После выхода из атаки я обнаружил, что упало давление масла до нуля, стало бить масло на козырек [над приборной доской в кабине]. Я принял решение идти домой, сел на свой аэродром благополучно. Оказалось, был пробит картер и трубка замера давления масла. К[омандир] звена 2 АЭ [2-й авиационной эскадрильи. — *Я. К.*] мл[адший] лейтенант Маресьев».

Факт воздушной победы своего подчиненного подтвердил и командир эскадрильи старший лейтенант А. Н. Дех-тяренко: «Подтверждаю, что 1.4.1942 года во время сопровождения штурмовиков тов. Маресьев обнаружил группу Ю-52, которая находилась в районе Истошно, с ними завязался воздушный бой. Тов. Маресьев прижал атакующие Ю-52 к земле, который потом врезался в опушку леса возле дороги района Игошино [правильно — Истошно. — *Я. Я.*]».

Як-1 Маресьева починили быстро, и на следующий день он вновь был в небе. Погода, правда, не особо благоприятствовала полетам. Весна, перешагнувшая из марта в апрель, явно опаздывала с теплом и солнцем. Над лесами и болотами висели низкие хмурые облака. Наметенный обильными зимними метелями снежный покров, слегка почерневший, лежал плотно и, похоже, не скоро собирался таять. Нередко начинался снег с дождем. Лыжи крылатых машин хотя и плохо уже скользили по взлетке, но менять их на колеса было рано. Как и преждевременно летному составу снимать с себя меховые комбинезоны, утепленные шерстью шлемы и лохматые унты.

Вообще, летать в этом районе было крайне сложно и по другой причине. «Летишь на высоте 1000 метров, — говорили

летчики, — куда не помотришь — везде одинаковый пейзаж: черные с бурым оттенком массивы леса и белые пятна присыпанных снегом озер и болот. Ни одного характерного ориентира, нет также крупных населенных пунктов». Поэтому Маресьеву и его товарищам надо было хорошо изучить район боевых действий, а времени на это, как всегда, не хватало.

Утром 5 апреля звено Маресьева, состоящее из четырех «Яков», вылетело на сопровождение штурмовиков Ил-2 соседнего 74-го штурмового авиационного полка. Погода была малооблачная. Шли в район Демянского котла. На подходе столкнулись с группой «железных тетушек» — так называли немецкие транспортные самолеты Ju.52. И тут же, без промедления, «Яки» ввязались в бой.

С первого же захода Маресьев успел поймать в прицел «Юнкере» и сразу полоснул пулеметной очередью по вражескому стрелку. А из автоматической пушки ударил по фюзеляжу. Оттуда вырвались огонь и столб дыма. Пролетев метров двести, горящий транспортник тяжело рухнул на острые, словно пики, верхушки деревьев. Сделав боевой разворот, Маресьев набрал высоту и зашел прямо в бок второму «Юнкерсу». Вновь точное попадание в сигарообразное туловище, и грузный транспортник, охваченный огнем, повторил путь предшественника.

Однако в азарте боя Маресьев, похоже, потерял чувство опасности. К сожалению, такая самоуверенность часто случается даже у опытных воздушных бойцов. Заходя на разворот, Маресьев не заметил, как из-за облаков резко вынырнул мышиного цвета «Мессер», он же, по образному выражению фронтовиков, «худой». Считанные секунды, и огненные стежки пролегли в сторону краснозвездной машины. Уже после войны Маресьев скажет о профессионализме немецких летчиков: «Их мастерство было очень высокое. Они воевали не слабее, чем мы».

Пули прошли мотор самолета Маресьева. К счастью, истребитель не загорелся, но мотор, пофырвав, заглох. Самолет начал падать вниз. Чтобы узнать, как дальше развивались события, обратимся к документу потрясающей человеческой силы — рассказу самого Маресьева. Он был записан в июле 1943 года научным сотрудником Академии наук СССР Е. М. Грицевской, фактически по горячим следам и впервые полностью опубликован в 2016 году в журнале «Родина» (№ 6). Эта и последующие выдержки будут приводиться в нашем повествовании с сохранением орфографии и стиля. Итак, слово Маресьеву:

«Подбили меня 4 апреля 42 г. Пробили мне мотор. А я был над их территорией. Высота была метров 800. Я немного оттянул самолет на свою территорию, километров за 12, но там были леса и болота, и сесть было негде.

Я и пошел садиться на лес, а там лес редкий и высокий и на лес садиться было очень трудно. Я прикрылся рукой, чтобы не удариться, может быть, думаю, жив останусь, так, чтобы глаза не выбило. Положил голову на руки, и тут слева увидел площадку. И здесь я сделал большую глупость. Я выпустил шасси, так как мне показалось, что там — площадка, но, когда я стал разворачиваться, то мотор остановился, и машина пошла

книзу. Я только успел выровнять ее из крена, как лыжами самолет задел за макушку дерева, и получился полный скоростной капот, т. е. самолет перевернулся кверху колесами. Я был привязан ремнями, но их 76 оторвало и меня выбросило из самолета. Так что я упал метров с 30, хотя точно не знаю. По-видимому, получилось так, что я упал на снег, а затем я покатился по дороге и ударился виском, и минут 40 я лежал без памяти.

Потом, когда я очнулся, чувствую что-то на виске, приложил руку — кровь, и висит лоскуток кожи. Я его хотел сначала оторвать, а потом чувствую, что кожа толстая и обратно ее приложил к пораненному месту. Кровь там запеклась, и все потом заросло.

От самолета осталась только одна кабина и хвост — все разлетелось в разные стороны. Я, вероятно, сильно ударился, так как вскоре у меня начались галлюцинации. Я очень хотел испортить мотор, вынимаю пистолет и начинаю стрелять по мотору. И мне кажется, что я не попадаю, я выстрелил одну обойму в пистолете, затем другую. Потом посмотрел опять в лес, и я вижу, что там стоят самолеты, стоят люди, я кричу, чтобы мне помогли, но потом смотрю — ничего нет. Посмотришь в другую сторону, опять то же самое, и потом снова все исчезает».

Сразу после падения у Маресьева была еще встреча с медведем. Поднятый из берлоги гулом пролетавших над лесом самолетов, раскатами орудий, зверь набрел на Маресьева. Летчик лежал навзничь в полузабытьи, когда к нему подошел медведь. Обнюхав неподвижное тело, не подавшее никаких признаков жизни, и к тому же пахнущее бензином, косолапый отошел в сторону. Мертвечиной медведи не питаются. Но неожиданно Маресьев дернулся, застонал от боли. Медведь тут же вернулся назад, с рыком рванул лапой комбинезон. Благо, что у Маресьева в руке оставался пистолет, который он не выпускал с тех минут, когда стрелял в мираж. Летчик успел прицелиться и нажать на курок. Несколько пуль попали медведю в голову. Зверь зарычал и тоже упал навзничь. Какое-то время они лежали рядом, но потом Маресьев отполз от медведя.

Здесь сделаем небольшое уточнение. В нашем повествовании обозначена дата вылета Маресьева на боевое задание 5 апреля, а он в своих воспоминаниях назвал другую — 4 апреля. Какая же из них верна?

Маресьевская дата значится в двухтомном Кратком биографическом словаре «Герои Советского Союза», изданном «Военным издательством» в 1988 году на основе документов Главного управления кадров, Центрального архива Минобороны СССР и Института военной истории. Там написано: «4.4.42 в возд. бою в р-не демянского плацдарма (Новгородская обл.) его (Маресьева) самолет был подбит и упал в лесу...» Эта дата зафиксирована еще в ряде справочных и энциклопедических изданий, а также в многочисленных интервью, которые давал Маресьев представителям СМИ в разные годы.

Между тем в «Именном списке безвозвратных потерь начальствующего состава 6 Ударной Авиагруппы Ставки

Верховного Главнокомандования с 20 апреля по 1 мая 1942 года» четко указано, что командир звена Як-1 младший лейтенант Маресьев Алексей Петрович «5.4.42 г. не вернулся с боевого задания». Дата 5 апреля содержится и в ряде других официальных документов, которые будут приведены ниже. Таким образом, достоверной датой вылета Маресьева и его падения на «Яке» на лес следует считать 5 апреля.

Что касается 4 апреля, то эта дата, скорее всего, была взята исследователями из автобиографии Маресьева, написанной им 29 ноября 1944 года и хранящейся в его личном деле: «4 апреля в воздушном бою с численно превосходящим противником на моем самолете был пробит мотор, и я произвел вынужденную посадку на лес...» Не исключено, что источником могла также стать цитируемая нами запись, сделанная научным сотрудником Академии наук СССР Е. М. Грицевской.

Однако вернемся в полк. Вылетавшие с Маресьевым на боевое задание летчики видели падение его самолета на лес. По возвращении на аэродром командир эскадрильи старший лейтенант А. Н. Дехтяренко доложил командиру полка майору В. С. Мухину подробности случившегося. Но жив Маресьев или нет — ответить на этот вопрос никто не мог. Командир полка дал команду отправить У-2 на поиск летчика. Поиск вели несколько дней кряду в районе деревни Рабежа, что между озерами Селигер, Велье и Шлино. К сожалению, облеты местности оказались безрезультатными.

Между тем в полку никто не хотел верить, что Маресьев погиб или хуже того — попал в плен к немцам. Ведь сколько бывало случаев, когда сбитые летчики возвращались в родную часть! Вот и сейчас все надеялись на очередной счастливый исход. Поэтому в книге учета летного состава напротив фамилии Маресьев карандашом записали: «С боевого вылета не вернулся».

А в штабе, как и положено, оформили документы о сбитых Маресьевым двух немецких самолетах. Документы эти 78 лаконичны, в них нет пафосных слов. Вот строки из подтверждения, подписанные командиром звена лейтенантом В. Я. Олейником, пилотом сержантом Н. Н. Нестеровым и пилотом сержантом Б. А. Шумиловым: «Мы, летчики 74-го шап [штурмового авиационного полка], подтверждаем, что в результате воздушного боя 5.4.42 г. около аэродрома Игошино [правильно — Истошно. — *Н. К.*] летчик-истребитель младший лейтенант Маресьев А. П. сбил два транспортных самолета противника типа Ю-52».

Другое свидетельство — рапорт от 6 апреля 1942 года адъютанта 2-й авиационной эскадрильи младшего лейтенанта А. П. Карасева на имя командира 580-го истребительного авиационного полка майора В. С. Мухина: «Доношу, что 5.4.42 г. командир звена младший лейтенант Маресьев А. П. был ведущим группы истребителей при сопровождении штурмовиков на аэродром Игошино [правильно — Истошно. — *Н. К.*] Около аэродрома встретили группу транспортных самолетов противника Ю-52. Завязался воздушный бой, в результате которого Маресьев сбил два самолета Ю-52, на что имеется подтверждение летчиков 74-го шап. Так как младший лейтенант Маресьев в тот день не вернулся с задания, прошу

сбитые им самолеты засчитать на его личный счет».

Через несколько дней, а точнее 9 апреля, командир полка майор В. С. Мухин и военком полка батальонный комиссар С. И. Яричевский подписали представление на награждение Маресьева орденом Красного Знамени. В наградном листе говорилось, что командир звена младший лейтенант Маресьев «уничтожил три транспортных самолета противника... Волевой командир, требовательный к себе и своим подчиненным. Как летчик обладает высокими качествами в технике пилотирования и воздушного боя. Скромный. В бою с фашистскими стервятниками показал себя смелым, решительным и отважным летчиком-истребителем... Пользуется любовью и уважением со стороны летного состава части. За боевую работу не имеет ни одного случая поломки материальной части по вине техники пилотирования. Тактически грамотный. Морально устойчив. Идеологически выдержанный. Делу партии Ленина-Сталина и социалистической родине безгранично преданный. За отличное выполнение заданий и уничтожение 3 немецких самолетов достоин представления к правительственной награде орденом КРАСНОГО ЗНАМЕНИ».

Оформляя наградной лист на подчиненного, командование полка не решилось вписать в текст слово «посмертно», которое обычно ставят в случае гибели человека. Да и составили командир и комиссар документ в настоящем времени, то есть дали характеристику на живого Маресьева. А между тем прошло четверо суток, как о нем не было ни слуху ни духу. Что заставило их это сделать? Вне всякого сомнения, все та же вера в то, что Маресьев жив. Ну не укладывалось ни у кого в голове, что любимец полка, этот симпатичный, широколицый, с волнистыми смоляными волосами, с живыми, черными цыганскими глазами человек мог погибнуть...

— Да жив командир, жив, — старался успокоить техник самолета сержант Юра Рогожин, совсем еще безусый парень, каждого, кто спрашивал о Маресьеве. — Скоро вернется.

Потом с грустью в голосе прибавлял:

— Только где нам самолет взять? Безлошадные мы теперь...

Летчиков, оставшихся без самолетов, во многих частях называли «безлошадными». Обидное прозвище, что и говорить, а никуда от этого не денешься. Потерял самолет — будь любезен, ходи пешком. «Безлошадники» назначались дежурными по аэродрому, их определяли в другие наряды до тех пор, пока не получали новые самолеты.

Какая интуиция подсказала технику самолета, что Маресьев жив, тоже трудно сказать. А он действительно был жив. На своем «ястребке» летчик упал на мохнатые ели в географической отметке 238,2, находящейся севернее деревни Рабежа Демянского района Ленинградской области. Рухнул в каких-то двухстах метрах от проезжей дороги, идущей вдоль линии фронта. Но, перелетев за эту дорогу, летчик, к сожалению, выбрал такое направление для своего пути, на котором не было ни жителей, ни военных.

Этим направлением являлось Л ютицкое болото, вытянутое с запада на восток. По этому пути Маресьев и пошел, хотя совсем рядом, в каких-то четырех километрах, находились

штаб 245-й стрелковой дивизии и вспомогательный командный пункт 34-й общевойсковой армии. Что интересно: именно эвакуационная команда 245-й стрелковой дивизии и нашла через месяц в районе точки 238,2 самолет Маресьева. То, что это был его самолет, свидетельствуют два документа, обнаруженные в 2017 году в Центральном архиве Министерства обороны Российской Федерации новгородским поисковиком А. П. Моргуновым.

В первом документе, а это рукописный акт от 22 мая 1942 года, говорится о передаче эвакуотделом 245-й стрелковой дивизии 60-му РАБ (району авиационного базирования) через старшего сержанта М. И. Власова военного имущества. Среди большого количества передаваемого имущества в акте значится самолет Як-1 за номером 4649, на котором как раз летал Маресьев. Кроме того, к самолету прилагались боеприпасы к пулемету Березина «сто четыре штуки и сто восемьдесят штук к авиапушке, два бензиновых бака, приборная доска исправная с часами...». Все это и другое имущество трофейная команда, похоже, собирала вокруг самолета, от которого, как и сказал Маресьев, «осталась только одна кабина и хвост — все разлетелось в разные стороны».

Что касается второго документа, то это тоже акт, где сказано о списании самолета Маресьева. Приведем его полностью, поскольку в нем содержатся факты, касающиеся боевой деятельности нашего героя:

«УТВЕРЖДАЮ»

Командир 580 ИАП майор /МУХИН/ Военком
580 ИАП бат[альонный] комиссар /
ЯРИЧЕВСКИЙ/

АКТ

Составлен настоящий акт 30.05.1942 года под председательством старшего [инженера 580 ИАП в[оен]инженера 3 р[анга] ВИНОГРАДОВА, членов; старшего] техн[ика] 1 АЭ [авиаэскадрильи] в[оен]техника 1 р[анга] КОЧЕТОВА, старшего] техника 2 АЭ [воен]техн[ика] 1 ранга БОРОВИК на предмет списания самолета ЯК-1 с мотором М-105ПА. Самолет N 4649 завода N 292 налетал в воздухе 44 ч. 58 мин., мотор М-105ПА [И] 121-64 наработал на земле 19 ч. 25 мин., в воздухе 44 ч. 58 мин.

5.4.1942 года командир группы мл[адший] лейтенант МАРЕСЬЕВА. П. вел четыре самолета ЯК-1 в сопровождении штурмовиков 74 ШАП на аэродром противника ДЕМЬЯНСК [правильно — Демянск. — Н. АТ.]. Аэродром был атакован истребителями и уничтожено 7 самолетов Ю-52, из которых два уничтожил лейтенант МАРЕСЬЕВ на самолете N 4649. Аэродром противника был сильно прикрыт огнем ЗА [зенитной артиллерии]. При возвращении с боевого задания самолет упал в лес.

При поисках самолета У-2 и наземной командой в этом районе место падения самолета не обнаружено.

Комиссия установила самолет N 4649 с мотором М-105 ПА N121-64 подлежит списанию.

Председатель комиссии: ст. инженер 580 ИАП
в[оен]инженер 3 р[анга] /ВИНОГРАДОВ/
ст[арший] техник 1 АЭ [воен]техник 1 р[анга] /
КОЧЕТОВ/
ст[арший] техник 2 АЭ /БОРОВИК/».

К сказанному остается добавить, что вплоть до 2017 года предпринимались неоднократные попытки поисковиков найти истребитель Маресьева. Снаряжало экспедиции и Российское военно-историческое общество. После очередного похода поисковиков в леса Новгородчины СМИ будоражили общественность своими сенсационными заголовками: «На Селигере нашли самолет Маресьева», «В Новгородской области после пяти лет поиска нашли самолет у места падения Алексея Маресьева», «Продолжается поиск самолета Маресьева»...

Но искать, как свидетельствуют приведенные выше документы, было нечего. Маресьевского самолета давно не существовало. Для того чтобы выяснить этот факт, достаточно было обратиться в Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации, что и сделал поисковик А. П. Морзунов.

Однако продолжим рассказ о том, как дальше развивались события. Увязая в тяжелом снегу, Маресьев — голодный, в полном безлюдье, с перебитыми ступнями обеих ног, весь промерзший, преодолевая адскую боль, с диким упорством шел, падал, полз... Снова поднимался, шел, падал, полз... Только вперед, туда, где слышны орудийные раскаты. К своим.

И здесь опять не обойтись без воспоминаний нашего героя: «Шел, ложился, потом снова шел. Спал до утра в снегу. Один раз мне показалось совершенно ясно, что стоит дом, из дома выходит старик и говорит, что у нас здесь дом отдыха. Я говорю: “Помогите мне добраться”. А он все дальше и дальше уходит. Тогда я подхожу сам, но ничего не вижу. Потом пошел в другую просеку, смотрю — стоит колодец, девушка гуляет с парнем, а то кажется, что девушка с ведрами идет. “Что несете?” — “Воду”. Но воды мне не дала.

Я упал 12 километров от линии фронта, но никак не мог сообразить, где я, мне все время казалось, что я у себя на аэродроме или где-то близко. Смотрю, идет техник, который меня обслуживал, начинаю говорить ему: “Помоги выйти”. Но никто ничего для меня не делает. И такая история со мной продолжалась суток 10—11, когда галлюцинация у меня прошла.

Раз я просыпаюсь утром и думаю, что мне нужно делать? Я уже был совершенно в здравом уме. Очень сильно я отощал, так как ничего все время не ел. И компаса у меня нет. Я решил идти на восток, уже по солнцу. Вижу и самолеты, которые летят к нам. Думаю, наткнусь, в конце концов, на какое-нибудь село, а потом меня доставят. Но я очень сильно отощал и идти не мог. Шел я так: выбрал себе толстую палку, поставишь ее и подтягиваешь к ней ноги, так и переставляешь их. Так я мог пройти максимум полтора километра в сутки. А потом трое

суток опять лежал и спал. И сны такие снятся, что кто-то зовет: “Леша, Леша, вставай, там тебе припасена хорошая кровать, иди туда спать...”

Так я провел 18 суток без единой крошки во рту. Съел я за это время горсть муравьев и пол-ящерицы. Причем я отморозил ноги. Я летел в кожанке и в унтах. Пока я ходил с места на место, в них попала вода, так как кругом уже таяло, а ночью было холодно, мороз и ветер, а в унтах вода, и я, таким образом, отморозил себе ноги. Но я не догадался, что ноги у меня отморожены, я думал, что не могу идти от голода».

Каждый человек боится смерти — это аксиома. Другое дело, как он держит себя в ситуации, когда она кажется абсолютно безвыходной. Если не теряет головы, а тому множество доказательств, то человек преодолевает страх опасности, и это сохраняет ему жизнь. До того, как Маресьева сбили, он не раз видел смерть, да и у самого хватало случаев навсегда распрощаться с белым светом. Отправляясь на боевое задание, его голову, пусть и не всегда, сверлила назойливая мысль: «Вот улечу сейчас и, может, уже не вернусь». Маресьев старался отогнать ее подальше, но она все равно возвращалась.

Страх смерти присутствовал в сознании Маресьева, когда он, отмерив восемнадцать суток, обессиленный, истощенный от голода, с отмороженными ногами, уже, казалось, ни на что не надеялся. «Страх присущ всем. Когда кто-то говорит, что ничего не боится, — не верьте. Но надо уметь побеждать это чувство» — эти слова Маресьев произнесет уже после войны. А пока он шел, падал, полз...

Что помогало ему идти навстречу жизни? Характер? Вне всякого сомнения. Он у Маресьева с детства — твердый, упорный. Воля? Безусловно. Без железной воли ему вряд ли бы удалось выдержать это, не укладывающееся в голову, многосуточное испытание. Вера? Она тоже присутствовала в его сердце. Хорошо знавший Маресьева митрополит Волоколамский и Юрьевский Питирим припомнил свою беседу с ним по поводу веры: «Народ наш был не только с партбилетом в кармане, но и с тайной молитвой, вложенной в партбилет, — об этом я по прошествии 50 лет могу свидетельствовать, поскольку совершал таинства над многими стариками-генералами. В кругу моих знакомых было много замечательных людей. Вспоминаю знаменитого героя, летчика Маресьева. Он мне рассказывал в частной беседе, что им двигало, когда он полз по лесу, раненый, — патриотичность? воинский долг? — Вера в то, что он увидит свою мать, которая без него просто не выживет: он ее кормилец, он ее сын».

А еще Маресьев все эти дни думал о своем спасении, какое-то внутреннее чувство ему подсказывало, что час этот наступит. Откроем очередные страницы его воспоминаний: «Потом на 18-е сутки 27 апреля [правильно 22 апреля. — *Н. К.*] часов в 7 вечера я лег под дерево и лежу. В это время слышу сильный треск. Я уже понимал, что в лесу здесь людей не было, и я решил, что идет какой-нибудь зверь, учуял жертву и идет. У меня осталось два патрона в пистолете. Я поднимаю пистолет, поворачиваю голову, смотрю — человек. У меня здесь мелькнула мысль, что от него зависит спасение моей жизни. Я ему стал махать пистолетом, но так как я оброс и стал очень

худым, то он, наверное, подумал, что это — немец. Тогда я бросил пистолет и говорю: “Идите, свои”. Он подошел ко мне: “Ты чего лежишь?” Я говорю, что я подбит, летчик: “Есть ли здесь немцы?” Он говорит, что здесь немцев нет, так как это место в 12 км от линии фронта. Он говорит: “Пойдем со мной”. Я говорю, что не могу идти. — “Но я тебя не стащу с этого места. Тогда ты не уходи с этого места, я его знаю и попрошу председателя колхоза, чтобы он за тобой прислал лошадь”.

Часа через полтора слышу шум. Пришло человек восемь ребятишек 14—15 лет. Слышу, шумят, а не знаю, с какой стороны. Потом они стали кричать: “Здесь кто-нибудь есть?” Я крикнул. Тогда они подошли на расстояние метров 50. Тут я их уже увидел, и они меня увидели. Остановились. “Ну, кто пойдет?” — Никто не идет, боятся все. Потом один парнишка говорит: “Я пойду, только вы смотрите, если в случае чего, вы сразу бежите за народом, в деревню”.

Не доходит до меня метров 10. А я худой, оброс, вид, наверное, был страшный. Он подошел поближе. Я реглан расстегнул, пеглицы видно. Он подошел еще поближе и кричит: “Подходите! Свой, летчик!” Те подошли, смотрят. Спрашивают: “Почему ты такой худой?” Я говорю, что не кушал 18 суток. И тут они сразу: “Ванька, беги за хлебом! Гришка, за молоком!” И все побежали, кто куда.

Потом приехал еще старик*. Они положили меня на сани. Я положил старику голову на колени, и мы поехали. Оказывается, тот человек, который первый меня нашел, шел в обход, так как там было все заминировано.

Потом чувствую, что меня мальчик толкает:

— Дядя, а дядя, посмотри!

Я смотрю, подъезжаем к селу, поперек улицы что-то черное. Я говорю:

— Что это такое?

— А это весь народ вышел вас встречать.

И действительно, целая колонна стоит, а как въехали в село, получилась целая процессия. Старик остановился у своей избы. Тут люди меня нарасхват. Одна говорит, давай его ко мне, у меня молочко есть, другая говорит, у меня есть яички, третья говорит — у меня тоже корова есть. Слышу шум. Тут старик говорит:

— Я за ним ездил и никому его не отдам. Жена, неси одеяло, отнесем его в избу.

Внесли в избу, начали тут с меня снимать одежду. Унты сняли, а брюки пришлось разрезать, так как ноги распухли.

Потом смотрю, опять народ идет: кто несет молоко, кто яички, третий еще что-то. Начались советы. Один говорит, что его нельзя много кормить, вот, один инженер из Ленинграда сразу очень много покушал и умер, другой говорит, что нужно только молоком поить. Положили меня на кровать, дают мне молока и белого хлеба. Я выпил полстакана молока, больше не хочу, чувствую, что сыт. Они говорят: “Кушай, кушай”. А я не хотел больше. Но потом постепенно я стал есть.

Нашелся у них в селе какой-то лекарь, вроде фельдшера. Он посоветовал хозяевам вытопить баню и помыть меня. Все это они сделали. Вообще, очень хорошие люди оказались...»

* Речь идет о Михаиле Алексеевиче Вихрове.

Теперь подробно восстановим эти счастливые часы спасения с помощью его непосредственных участников. По свидетельству местных жителей, Маресьев был обнаружен 22 апреля неподалеку от деревни Плав Валдайского района Новгородской области. Населенный пункт находился в тылу советской линии фронта, примерно в 13 километрах. Какая-то женщина, а потом дед Матвеич из соседней деревушки Кувшины — принесли в деревню весть, что слышали в лесу стоны о помощи, но подойти к месту не рискнули. Делать это тогда было небезопасно. Всякое могло случиться. Рядом грохотал фронт. И кто там в лесной глуши — наши или немцы? Больше всего жители боялись провокаций.

Между тем два плавских парня — Александр Вихров и Сергей Малин все-таки отважились сходить в лес на разведку. Старшему из них Александру было на тот момент 22 года. Он уже успел повоевать с немцами, был тяжело ранен и, вернувшись домой после демобилизации в родное село, работал в колхозе. Младшему — Сергею, почти 18-летнему колхозному бригадиру, ближайшей осенью только предстояло идти на службу в армию. Отец Александра — Михаил Алексеевич Вихров, человек пожилой, председатель местного колхоза, пытался сначала отговорить смельчаков, но потом сказал, что если понадобится помощь, тут же соберет народ.

Вот что поведал спустя годы Александр Михайлович Вихров: «Нам тогда в каждом незнакомце диверсант чудился. Шла одна тетка из эвакуированных лесом, и показалось ей, что кто-то под деревом шевелится. Сказала нам. Мы с Сергеем на завалинке сидели... Вот и подхватились. За нами маленькие увязались: тетка по всей деревне раззвонила. Маленьких мы в лес не пустили, вдвоем пошли. Крадемся от дерева к дереву, и, признаться, жутковато стало: а ну как из автомата начнет палить? По нашему разумению, диверсант обязательно с автоматом должен быть. А как увидели его, в шлеме, в унтах, окончательно уверились, что диверсант с самолета сброшен. Свой-то зачем станет в лесу скрываться? Присели мы за дрова, да и кричим: “Хенде хох!” А он чуть слышно: “Свой я, русский”. Мы не очень-то верим, кричим: “Если свой, брось пистолет!” У него в руке пистолет был. Отбросил он, недалеко, шага на два: сил совсем не было. Ну, мы сразу к нему кинулись...»

В памяти Сергея Петровича Малина также отложилось встреча с летчиком: «Мы с Сашей, решив проверить ходившие по деревне слухи, пошли к тому месту, где кто-то из наших односельчан слышал человеческий голос. Было в тот день не по-весеннему холодно. Да и опасно вглубь леса идти — от наших-то мест не так уж далеко было до фронта. Пошли, однако. Нашли мы летчика в беспомощном состоянии, он лежал на снегу почти рядом с дорогой и лесной вырубкой. Был сильно исхудавший, еле говорил, не мог самостоятельно передвигаться. Убедившись, что мы — свои, советские и что немцев здесь нет, летчик объяснил, кто он такой, передал нам свои

документы, планшетку, табельное оружие и попросил помочь добраться до деревни. Помню, мы перенесли его поближе к дороге, Саша остался, а я сбегал за санями».

С помощью Вихрова-старшего парни положили летчика в сани и повезли в деревню. Там уже собрался народ. Сначала Маресьева хотели поместить в самой большой деревенской избе, но хозяева в последний момент передумали и побоялись его к себе брать. Сослались на то, что привезенный из леса летчик может быть немецким диверсантом. Тогда семья Вихровых взяла Маресьева в свою тесную избу. В планшете Маресьева, свидетельствовала одна из жительниц, были фотографии, письма, а также 300 рублей. Деньги летчик отдал Вихрову-старшему. В доме Вихровых Маресьев пробыл двое суток.

Есть еще рассказ жены Вихрова-младшего — Александры Петровны. Правда, запись была сделана не по горячим следам, а десятилетия спустя. Не исключено, что какие-то моменты стерлись из памяти женщины. В то же время события могли происходить именно так, как она их изложила: «В это время из Рабежи в Плав шел местный житель. Летчика он не видел, так как Маресьев уже даже сесть не мог, сил не хватало. Он лежал в сугробе, но идущего мужика увидел и окликнул. Местный, увидев человека в военной форме, испугался и убежал. Прибежав в Плав, он нашел деда Михайлу и сказал, что в лесу какой-то человек в форме в снегу затаился. Дед Михайла стал спрашивать, чья форма на военном, но, не добившись ничего внятного, пошел пешком к указанному месту и, увидев человека в советской форме, спросил летчика кто он и откуда. Алексей Петрович ответил, что его сбили, что он советский летчик и у него сломаны обе ноги. Дед Михайла потребовал вынуть пистолет из кобуры и кинуть в сторону. Летчик это сделал. Затем дед Михайла подошел, проверил документы и сказал, что сходит за лошадью с санями, чтобы отвезти летчика

в деревню. Перед тем как пойти за лошадью, он сделал из елового лапника настил и уложил летчика на него. Забрав в деревне сани, дед Михайла взял в подмогу двоих — Сергея Малина и своего сына Александра. Втроем они погрузили летчика на сани, укутали в тулуп и привезли в деревню».

О том, что происходило дальше, хорошо отложилось в памяти дочери председателя колхоза М. А. Вихрова — Ольги Михайловны, в замужестве Сергеевой: «Привезли летчика из леса страшно худого с опухшими и обмороженными ногами. Одежда на нем была вся завшивлена. Отец мой растопил баньку, и туда потом отнесли на одеяле летчика. Там его раздели, унты пришлось разрезать, помыли и переодели в чистое белье. Из бани в дом отец перенес его на спине: справился сам, так как после стольких дней голодания летчик весил “как пушинка”. Положили его возле окон на широкие деревянные полаты, хорошо укутали, дали крепкого чая с медом. Ему стало легче. А он меня почему-то звал Варей. Стану уходить, а он мне говорит: “Варенька, не уходите”. А я ему: “Меня не Варенькой звать”. Потом он мне сказал, что у него была девушка Варя. Мне же в ту пору исполнилось уже 25 лет, жила со мной трехлетняя дочка, муж воевал на фронте.

Запомнилось, что летчик все время просил есть, но кормила я его понемногу — боялась, как бы не случился заворот кишок. Одежду его мы пропарили в печке, чтобы уничтожить вшей, потом я ее выстирала, высушила и прогладила. На второй день, когда она была готова, мы его переодели. Больные ноги смазывали гусиным салом. Отец съездил в ближайшую воинскую часть — это 17 километров от нас — в деревню Русские Новики и сообщил, что в лесу нашли живого нашего летчика. Оттуда вскоре за ним приехали военные. Алексей Петрович, правда, не хотел уезжать, но, судя по его состоянию, медлить с отправкой в госпиталь было нельзя».

Действительно, надо было уезжать и как можно скорее. Состояние здоровья Маресьева становилось с каждым днем все хуже и хуже. Он уже начал бредить. Сельчане вышли проводить летчика. Были среди них и его спасители. Только через двадцать с лишним лет, в мае 1965 года, состоится новая встреча Алексея Петровича Маресьева с Сергеем Петровичем Малиным и Александром Михайловичем Вихровым. Встретятся они в Москве. Крепко, по-мужски обнимутся. Как водится, по русскому обычаю выпьют по чарке водки, окунутся в реку воспоминаний, вспомнят холодный апрель 1942 года. Не обойдется без скупых слез.

Валдайские гости пробыли в столице несколько дней, и 9 мая, когда в стране торжественно отмечалось 20-летие Победы, состоялась их встреча с Маресьевым и писателем Б. Н. Полевым, автором книги «Повесть о настоящем человеке», в студии Центрального телевидения на популярном «Голубом огоньке». Вся страна смотрела эту праздничную передачу, увидев наконец тех, кто в самую критическую минуту жизни первыми оказал помощь летчику.

За плечами у каждого уже была значительная часть жизни. Малин в конце 1942 года был призван в армию, воевал в пехоте. Прошагал всю Европу, расписался на стене Рейхстага, был награжден орденом Красной Звезды, медалями. На момент встречи с Маресьевым Сергей Петрович трудился в местном лесхозе.

Другой спаситель — Александр Михайлович Вихров тоже воевал, был дважды ранен. После войны связал свою жизнь с лесом, работал лесничим. Перед Маресьевым он появился в форменном кителе, какого прежде Алексей Петрович не видел.

— Ты что, прокурором стал или связистом? — с улыбкой спросил он Вихрова.

— Да нет, Алексей Петрович, это форма лесничего, — ответил Вихров. — Тружусь в тех самых местах, где ваш самолет упал. Люди интерес проявляют, я у них бываю вроде экскурсовода.

Не было на этой встрече только Ольги Михайловны Сергеевой (Вихровой), которая работала в железнодорожном детском саду города Бологое. Не смогла она тогда приехать — с сердечным приступом оказалась в больнице.

Однако опять вернемся к событиям 1942 года. В деревне Русские Новики, куда сначала перевезли Маресьева, дислоцировалось несколько воинских частей. Вскоре оттуда за летчиком на грузовике приехали офицер в звании капитана и несколько красноармейцев. Капитан проверил у Маресьева

документы, потом дотошно, с пристрастием, словно во время допроса, долго с него «снял показания». Существует версия, что капитан был не из простых пехотных служак, а из Особого отдела. Только после этого Маресьева положили на носилки, погрузили в кузов грузовика и отвезли в 276-й медицинский санитарный батальон, где им уже занялись медики. Но, похоже, там не было хороших специалистов, о чем свидетельствует Маресьев: «Мне сделали там согревающий компресс на ноги. Ноги были белые-белые, как стена. Я удивился и спросил, почему они такие белые. Мне сказали, что это отек от голода. Я спросил, не отморожены ли они? “Нет, нет, — говорят, — ничего”. Но ходить я совершенно не мог.

Когда меня привезли в эту часть, а это был какой-то обозный отряд, туда пришел врач, и я до сих пор не могу понять, зачем он это сделал, и нужно ли было это делать, но он мне прописал выпить стакан водки и дал мне закусить только черным сухарем. Сначала, после того, как я выпил, все было ничего, а потом часов с двух ночи меня стало разбирать, и я начал, как говорится, “шухерить”. Там сидела около меня одна девушка, потом был капитан, так со мною не знаю, что делалось. Я ударил эту девушку, опрокинул стол, который стоял около меня, стал кричать: “Немцам не победить!” Потом меня уложили. Только успокоили, а через десять минут я опять начал кричать: “Заверните мне правую ногу, а то ее немцы возьмут!” Этот капитан рассказывал, что я кричал: “Умираю, дышать нечем!” Он испугался и пошел за врачом. Тот пришел и сделал мне укол в полость живота. Потом он спрашивает меня: “Ну, как, хуже или лучше стало?” Я отвечаю: “Не хуже и не лучше”. — “Ну, хорошо, что не хуже, а лучшего ждать нечего”.

Потом меня сразу же отвезли в передвижной госпиталь* и там меня стали лечить нормально. Сделали мне там переливание крови, и я стал чувствовать себя немножко лучше. Стали мне делать согревающие марганцевые ванны. В первый день, когда меня привезли, мне говорят: “Садись на табуретку”. Я, как только сел, чувствую, что не хватает мне воздуха. Они говорят опять: “Садись”. Я говорю, что не могу. Они меня все же посадили на табуретку, а я с нее упал. Потом пришел врач, меня положили на стол и влили мне 400 грамм крови. Я говорю: “Я теперь сам могу вставать”. Но меня переложили опять на кровать.

Пролечился я там дней 7—8, до 30 апреля. Мне говорят, что мы тебя отправим в глубокий тыл, в Свердловск. Но для этого нужно было попасть на Валдай, а оттуда ходили санитарные поезда. 30 апреля меня отправили на машине в Валдай. Туда я приехал часиков в шесть вечера. Только меня положили, минут 15 я пролежал, дали мне покушать рисовой каши. Начал я кушать, вдруг дверь открывается, входит человек и начинает кого-то искать глазами, смотрит по всем кроватям. Потом мы с ним встретились взглядом.

* Речь идет о Полевом передвижном госпитале № 1163, который располагался в деревне Красилов Валдайского района.

Смотрю — командир эскадрильи, с которым я летал, Дегтяренко [правильно Дехтяренко. — *Н. К.*].

— Лешка, неужели это ты?!..

Оказывается, он меня искал, так как из передвижного госпиталя сообщили в часть, что я там нахожусь, и он на другой день бросился меня искать... А я прямо заплакал, просто зарыдал, такая была встреча!»

Маресьев очень уважал своего командира. Андрей Дехтяренко был настоящий комэск в полном смысле этого слова. Его отличали индивидуальное летное мастерство, высокие морально-волевые качества. К тому же он был хороший командир. Боевое крещение Дехтяренко получил на Халхин-Голе в боях с японцами, за что был награжден орденом Красного Знамени. В дальнейшем мужество и отвага этого летчика будут отмечены званием Героя Советского Союза. Это произойдет в июле 1942 года. А слетался Маресьев с Дехтяренко в период, когда шло переучивание на «Яках». С тех пор они были всегда рядом, а боевые вылеты сблизили и породнили их еще больше. Вот и сейчас летчики были снова вместе, о чем читаем в воспоминаниях нашего героя:

«Он [Дехтяренко] меня спрашивает: “Чего ты лежишь? Ты, может быть, есть хочешь, я тебе две плитки шоколада привез”. Я ему говорю: “Я не могу, Андрей, я 18 дней ничего не кушал, я очень слаб”. А он, оказывается, приехал за мной и хочет меня забрать. И мы, действительно, были с ним очень хорошие приятели, один без другого жить не могли. Но врач меня не отпускает, говорит, что меня отправят в глубокий тыл. Дехтяренко стал нервничать, ругаться: “Это мой летчик, я его заберу. Мы сами знаем, куда его направить для лечения!”

А он искал меня долго и все время — на самолете. Сначала он полетел туда, откуда им сообщили обо мне. А там меня уже не было. А ведь это не просто — прилетел и сел, как на аэродром, а площадка бывает километра за 3—4. Потом опять пришлось сюда лететь. А вылетел он в 7 часов утра, а дело было уже к вечеру. И он, в конце концов, меня забрал с горем пополам, посадил в самолет. Хотя мне и сделали вливание крови, но чувствовал я себя плохо. И только меня сажают в самолет, я теряю сознание. Здесь он говорит: “Я тебя везу, а ты, наверное, умрешь”. Я говорю: “Давай, жми! Живого или мертвого, уж взялся, так вези!” Он посадил меня в кабину, привязал, и полетели мы в ту часть, где я воевал. Здесь все уже собрались, все было подготовлено для посадки. Правда, я не могу всего рассказать, так как я был в очень тяжелом состоянии...»

Встреча была трогательной. Едва только Дехтяренко заглушил мотор, как самолет тут же окружили все, кто в это время находился в полку. Однополчане бережно достали Маресьева из кабины, а затем отнесли и положили на носилки. Со всех сторон к нему потянулись дружеские руки. Каждому из боевых товарищей хотелось его крепко обнять, из-за чего Дехтяренко пришлось чуть ли не отгонять их от Маресьева.

— Хлопці, обережно, він же поранений! — сердито гремел голос комэска, но летчики продолжали толпиться возле Маресьева.

У самого же Маресьева практически не было никаких сил

хоть что-то сказать в знак благодарности — так нестерпимо плохо ему было в те минуты. И все же на его бледном лице с трудом просачивалась слабая теплая улыбка, а в усталых глазах блестели слезинки радости.

Ночь Маресьев провел в медсанчасти полка, на следующий день, а это было 3 мая, его на санитарном самолете отправили в Москву.

Глава 5
РУССКИЙ ХАРАКТЕР

*Да, вот они, русские характеры!
Кажется, прост человек, а придет
суровая беда, в большом или в малом,
и поднимается в нем великая сила...*

А. Н. Толстой. «Русский
характер». 1944 год

В Москве пахло весной. И хотя она пришла в столицу с опозданием из-за долгой зимы, ее теплынь все больше и больше разливалась по улицам и переулкам. Пригревало солнце, его золотистые лучи настырно проникали за заклеенные крест-накрест полосками бумаги окна домов. Снег почти весь растаял, а если где-то еще и оставался, так только в глухих местах парков — слежавшийся и почерневший.

С наступлением теплых дней повеселели и москвичи, хотя в городе повсеместно чувствовалось присутствие войны. По улицам вышагивали комендантские патрули, повсюду рядами стояли противотанковые ежи, с крыш зданий настороженно смотрели в небо стволы зениток, спаренных пулеметов и рупоры звукоулавливателей...

В широкие окна госпитальной палаты, где лежал Маресьев, тоже заглядывала майская погода. Солнечные брызги разлетались по бледным лицам постояльцев, койкам, тумбочкам, а через открытые форточки в палаты врывались свежие струи воздуха. Только настроение у Маресьева было далеко не весеннее. Сильно болели отмороженные ноги, которых он практически не чувствовал. От этих безвольных почерневших конечностей уже начала отслаиваться мягкая ткань. Страшный диагноз «гангрена» был вынесен окончательно и бесповоротно.

Маресьев лежал один, но в проходной палате. Это его раздражало, поскольку мимо непрерывно сновали врачи, санитарки, медсестры, больные... Вдобавок не стихали их голоса. В голове Маресьева стоял шум, будто вокруг непрерывно били в бубны... Приходившая ставить ему градусник пожилая медсестра увидела, как по щекам Маресьева текут слезы.

— Терпи, милоч, терпи, — беря его за руку, успокаивала она. — Даст Бог, все будет хорошо.

В эти минуты ему невольно захотелось ощутить прикосновение теплых материнских рук. Услышать знакомые с детства слова:

— Ничего, сынок, до свадьбы заживет...

Мама, милая, родная мама, знаешь ли ты, какая беда приключилась с твоим сыном...

К сожалению, состояние здоровья Маресьева лучше не становилось. Боли простреливали все тело, не давали спать, гангрена, словно ржавчина, медленно съедала ноги. Маресьеву начали колоть обезболивающие препараты. А тут еще он стал случайным свидетелем разговора врачей. Один из них сказал, что положительной динамики у больного нет, идет резкое ухудшение состояния здоровья, шансов выжить мало. Эти слова прозвучали подобно смертельному приговору.

Дальше события, если верить некоторым охотникам до сенсационных домыслов, стали развиваться по самому трагическому сценарию. Раненых в госпитале было много, поэтому летчика, как практически безнадежного, положили на каталке в коридоре. А затем, накрыв простыней, его, умирающего, повезли в морг. Гангрена, заражение крови — показатель того, что он уже не жилец на этом свете. Но на пути туда Маресьева перехватил проходивший мимо профессор Н. Н. Теребинский. Он тут же приказал: «На операционный стол его, живо!»

В действительности все обстояло не так. Как вспоминал сам Маресьев, лечащие врачи решили его показать профессору Николаю Наумовичу Теребинскому. Это был известный в Москве доктор старой школы. В предвоенные годы он стоял у истоков хирургии на открытом сердце. Во время войны Теребинский заведовал хирургической клиникой Наркомата путей сообщения СССР и одновременно консультировал хирургов нескольких военных госпиталей. И здесь необходимо сделать еще одно уточнение.

До недавнего времени считалось, что Маресьева привезли в 7-й Московский центральный военный клинический авиационный госпиталь в Сокольниках. Однако сведения, полученные автором книги из Центрального архива военно-медицинских документов, свидетельствуют о 94 другом месте его пребывания. В предоставленной справке указано, что «3 мая 1942 г. мл. лейтенант Маресьев А. П. поступил в ЭГ 4034, г. Москва, в тяжелом состоянии». Этот эвакогоспиталь, по данным Всероссийского информационно-поискового центра, находился в Бабушкином переулке (в настоящее время — улица Александра Лукьянова, получившая свое название в 1964 году в честь летчика-истребителя и Героя Советского Союза А. М. Лукьянова) с 28 января 1942 года по 10 ноября 1945 года. Тогда как 7-й авиационный госпиталь был

открыт на Поперечном просеке в Сокольниках уже после того, как Маресьева прооперировали. Да и сам Маресьев вспоминал, что госпиталь находился где-то в Бабушкином переулке, но из публикации в публикацию кочевала невесть откуда взявшаяся история про госпиталь в Сокольниках.

Теперь же абсолютно точно можно сказать, что все события происходили в Бабушкином переулке в развернутом на базе железнодорожной больницы эвакогоспитале № 4034. Здесь профессор Теребинский, как и в других лечебных заведениях подобного рода, часто брал в руки скальпель и выполнял наиболее сложные операции. В один из дней этот высокий, худой человек в пенсне, с короткими седыми волосами и обвисшими усами предстал перед Маресьевым. Внимательно осмотрев его ноги, профессор тяжело покачал головой, потом сухо сказал стоявшим рядом с ним врачам, что ситуация не безнадежная, летчика надо спасать.

Теребинский сам взялся оперировать Маресьева. Наверное, если бы летчик попал в руки уважаемого профессора раньше, то, возможно, болезнь удалось бы победить без тяжелых последствий. Хотя не факт. Сегодня, спустя годы, мы можем лишь строить версии. Тогда же счет шел на дни, а может, даже на часы, поскольку перед врачами стоял вопрос: будет ли вообще жить Маресьев или нет? Болезнь прогрессировала. Чтобы сохранить жизнь Маресьеву, Теребинский принял решение ампутировать ему ноги. В условиях тогдашних медицинских практик другого варианта просто не имелось.

Операция, которую провел профессор Теребинский (ему ассистировали лечащий врач Альтшулер, врач Теплова и операционная сестра Зиновьева), была сделана Маресьеву 24 июня 1942 года. Как записано в истории его болезни, была проведена «типичная ампутация лоскутным способом обеих стоп».

О том, как проходила операция, читаем в воспоминаниях Маресьева: «Хотели мне сделать только спинномозговой укол, но этот наркоз на меня не подействовал. Укол местного обмораживания тоже не берет. Профессор даже удивляется, и тогда решили делать операцию под общим наркозом. Накрыли меня маской и стали поливать на нее эфир, я должен был дышать эфиром. Сестра мне посоветовала глубоко-глубоко дышать. Как только я глубоко вздохнул, мне сразу же ударило в голову, я махнул рукой, маску сбил, капля эфира попала мне в рот, меня стало тошнить. Профессор ругается на сестру: “Что же

вы не можете удержать маску!” Оять наложили маску. Мне стало так нехорошо, я кричу: “Снимите, дайте мне хоть немножко пожить!” Сестры плачут, профессор ругается. Ну, а потом мне немножко приподняли маску, я глотнул свежего воздуха, и все пошло, как следует. После операции я проснулся со слезами. Ноги у меня очень болели».

Но плакал Маресьев не только от физической боли. Боль была, скорее, душевная. Ампутация спасла ему жизнь, но оставила без ступней. Это означало — списание подчистую на землю и расставание с небом навсегда. Кроме того, он теперь инвалид, лишний человек в жизни. Кому он нужен такой увечный? Обретая крылья, Маресьев не обрел семью. Получилось, как в той песне, «первым делом, первым делом — самолеты, ну а девушки, а девушки потом». Но, скорее, не встретилась на его пути та единственная и неповторимая, ради которой он мог бы, как Валерий Чкалов, совершить дерзкий пролет на «ястребке» под мостом... Однако все, что ни делается, всё к лучшему. Хорошо, что остался холостяком. А то бы стал для молодой жены обузой. Пока же эта тягостная забота ляжет только на мать, которая любым его примет. Хоть безногим, хоть безруким...

Тяжелые были эти раздумья в те однообразные госпитальные дни и ночи. Закинув руки за голову, Маресьев часами смотрел в высокий, покрытый тонкими трещинками, потолок. Разговаривать ни с кем не хотелось. Зудели начинавшие заживать после операции раны. К этому зуду, доходившему до сердца, добавлялись громкие, как ему казалось, разговоры выздоравливающих. Они, будто специально, чтобы завидовали, рассказывали о том, какая на улице погода да каких красивых девушек там видели... Ночью было легче — для сна и снятия боли Маресьеву кололи морфий. Но все равно он засыпал с наворачивающимися слезами и тягостными мыслями о своей безногости...

A. Lapere

**Командующий ВВС Красной армии маршал авиации
А. А. Новиков поздравляет А. П. Маресьева с очередной
воздушной победой над врагом. 1943 г.**

— Смотрю я на тебя, Алексей, и вот что, дружище, тебе скажу, — начал как-то разговор с Маресьевым сосед по палате, уже в годах батальонный комиссар. — Да, подрезали тебе крылышки, но главное, что ты жив. А если жив, значит, будешь опять с крыльями. Ты, я вижу, человек сильный, с характером...

Годы спустя Маресьев с теплотой вспоминал о своем соседе по палате: «Огромной душевной силы был этот человек. И сделал он для меня, как позже понял, многое. Один только пример. После ампутации ног меня на ночь кололи, давали успокаивающее. А это не что иное, как наркотики. Он мне говорит: “Алексей, от такой поддержки надо отвыкать, погибнешь”. И тогда я сказал врачам: “Хватит успокаивать”».

Действительно, комиссар, как нельзя кстати, оказался рядом с Маресьевым. Именно он морально помог ему в трудную минуту выстоять и поверить в свои силы. Постепенно стали заживать и раны, с их заживлением шло и привыкание к тому непривычному состоянию, в котором Маресьеву предстояло находиться постоянно.

Навсегда в сердце Маресьева осталась и молодая медсестра, совсем еще девчонка Евдокия Коренкова. Она в те дни находилась рядом с летчиком. Годы спустя Евдокия Ивановна Коренкова вспоминала: «Летчика Алексея Маресьева привезли в госпиталь под вечер, ранней весной 1942 года*. Это теперь все про него знают — народный герой! А тогда — просто несчастный 22-летний летчик**, самолет которого сбили фашисты. За те несколько недель, пока чудом спасшийся Алексей добирался до своих, он сильно обморозил ноги, началась гангрена. И когда привезли в госпиталь, парень находился в очень тяжелом состоянии: ноги совсем почернели, вся палата сразу наполнилась тяжелым запахом гниения. Вопрос о том, чтобы спасти конечности, уже даже не ставился — только ампутация. Я выхаживала Алексея сразу после операции, кормила с ложечки, утешала, когда у него началась обычная для таких больных депрессия. Алексей все время твердил, что обязательно будет летать, вернется в авиацию. Конечно, мы успокаивали мальчишку как могли, но словам его тогда не верили... И он — вот настырный! Своего добился! После выписки Алексей уехал. Обещал навещать нас,

* Маресьева доставили в эвакогоспиталь № 4034 3 мая.

** Маресьеву на тот момент было 26 лет.

но ведь была война... В госпиталь он заскочил еще только один раз — когда ему дали Звезду Героя. Похвастался, что снова разрешили летать...»

Третьего июля Маресьеву сняли швы с заживающих ран. Тогда же он спросил Теребинского:

— Профессор, я летать буду?

Теребинский не мог дать твердый ответ, но тем не менее обнадежил пациента:

— Это дело не мое, мое дело так тебя отремонтировать, чтобы ты через протезы все чувствовал бы.

О Теребинском Маресьев позже скажет так: «Всю жизнь буду с особой любовью о нем вспоминать. Ему я обязан тем, что остался живым. Мое положение было очень серьезным — влажная гангрена обеих ног. Врач сомневался, вынесу ли я сложную и тяжелую операцию, которая мне предстояла. Но все же он решился и ампутировал обе ноги ниже колен».

Здесь нужно сделать небольшое отступление. Маресьев всю жизнь оставался материалистом. Ни в какие приметы, мистику не верил. Но в то же время он хранил в своем семейном архиве весьма необычную фотографию. На ней неизвестный фотограф-любитель запечатлел его, четырнадцатилетнего пацана, сидящим на лошади. Но маресьевских ног на снимке не видно. Там, словно кистью проведена белая полоса засветки. Причем именно в том месте, где их ампутирует профессор Теребинский. Что это? Знак судьбы? Предсказание? Но вряд ли можно считать, что кто-то свыше предопределил долю Маресьева. Хотя, согласитесь, трудно быть прорицателем...

Послеоперационный период Маресьева проходил тяжело. Вскоре Алексей был отправлен в Куйбышев, где находился эвакогоспиталь № 3999, в котором врачи специализировались на лечении бойцов и командиров с ампутированными конечностями. Иными словами, госпиталь имел протезно-ортопедический профиль. Здесь летчику сделали реампутацию голени фасциально-надкостничным методом, разработанным ведущим хирургом госпиталя Н. А. Мишиным.

Через две недели после операции у Маресьева сняли мерки для изготовления протезов. Мастер-протезист пообещал Маресьеву, что он скоро будет «на велосипеде кататься, с барышнями польку-бабочку плясать»...

В наше время человек, лишившийся ног, может получить модульные высокотехнологичные протезы. С ними он почти не чувствует себя инвалидом — ходит без костылей, управляет автомобилем и даже ставит рекорды на

параолимпийских играх. Но в годы войны ничего подобного не было и в помине. Самыми ходовыми были тогда так называемые шинно-гильзовые протезы. Что из себя, к примеру, представлял один протез? Это жесткая гильза из блокованной (вываренной и проклеенной особым образом) конской кожи толщиной в полсантиметра плотно охватывает то, что осталось от живой ноги. К гильзе на железной шинке с шарниром крепится деревянная ступня, в каблук которой вделан резиновый клин для амортизации. Если надеть ботинок — похоже на ногу, безусловно... Однако шаг на такой кожанно-деревянной ноге — жесткий, бежать или прыгнуть практически невозможно, разве что медленно гулять вразвалочку.

Между тем в 20-х числах августа Маресьев сделал на шинно-гильзовых протезах свои первые шаги. Сначала — с костылями. Затем шаг за шагом двигал впереди себя стул, удерживаясь руками за его спинку. Все эти упражнения он выполнял не десятки, а сотни раз.

Незаметно начали улетучиваться и грустные мысли. «Когда стал двигаться, — вспоминал о тех днях Маресьев, — появилась какая-то бодрость и даже бесшабашность». Правда, на этой легкой волне он едва не попал в злостные нарушители госпитального режима. А произошло следующее. Некоторым категориям больных в определенные дни выдавали по сто граммов сухого вина. Можно сказать, наркомовские. Полагалось вино для скорейшего выздоровления и Маресьеву. Ну что такое сто граммов? По его собственному признанию, «выпьешь — и ни в одном глазу».

Однажды он попросил медсестру принести ему пустую бутылку. Та поинтересовалась, зачем, мол. Маресьев соврал, сказал, что для воды. На самом деле он стал собирать вино. Когда бутылка наполнилась по горлышко, тут же все содержимое и выпил. Хмель ударил в голову. Настроение поднялось, потянуло на подвиги. Маресьев сел в инвалидную коляску, выехал на ней из палаты и покатил, набирая скорость, по длинному коридору. А тут — поворот. На какие-то мгновения слегка опьяневший Маресьев ощутил себя не в коляске, а в кабине своего быстрокрылого «Яка». И пошел на «боевой разворот, взял ручку управления на себя». Резко развернулся и тут же упал вместе с коляской набок. На шум сбежался персонал. К счастью, все обошлось, никто не стал устраивать разбирательств. Но за свой авантюрный поступок Маресьев извинился перед медсестрой. И даже поцеловал девушку в щечку.

К месту сказать, эта же медсестра, которую Маресьев называл любовно сестричкой, принесла ему однажды журнал.

— Леша, смотри, здесь статья об одном английском летчике, который, не имея обеих ног, продолжает летать, — сказала она, раскрыв журнал на нужной странице.

Маресьев сразу же погрузился в чтение. Речь в публикации шла об английском летчике-асе Дугласе Бадере, который во время авиационной аварии потерял обе ноги. Пройдя реабилитацию после ампутации ног, Бадер на протезах возобновил летные тренировки. И добился цели. Его вновь зачислили на службу в Королевские ВВС Великобритании. Он стал летать, в начальный период Второй мировой войны одержал 20 личных побед над противником.

Статью Маресьев перечитал несколько раз... «Если англичанин сумел вернуться в небо, то чем я хуже?» — задал он себе вопрос. И тут же на него ответил: «Не хуже, а лучше». Это означало, что он тоже может летать. Однако возвращение в небо будет долгим. Путь туда, по большому счету, только начинался. Но остановить Маресьева уже было невозможно. Если он что-то решил, то своего добьется обязательно, как это было не раз. Через некоторое время Маресьев начал ходить с палочкой, вымеряя госпитальные коридоры. Потом ему надоело циклевать паркет — попросился на улицу. Врач дал добро.

— Как сейчас помню, в ощущениях, свой выход во двор госпиталя, — рассказывал Маресьев. — К паркету я привык уже, протезы чувствуешь, но мягко так, а тут всем телом — каждую неровность, каждый камешек ощущаешь. Но не пасовать же! Лежит бревнышко, небольшое такое, думаю, надо переступить через него, в жизни подобных много будет. Переступил, не упал.

Так день за днем приближал Маресьева к прежней жизни. Тогда же он все чаще стал думать о движениях ногами, что необходимы летчику при управлении самолетом. Что вскоре и стал делать. Все свои движения он оттачивал буквально с линейкой в руках: засовывал протезы между перекладинами стула, отворачивался и представлял, что управляет самолетом. Потом измерял все расстояние линейкой и начинал сначала.

В госпитале Маресьева нашла боевая награда — орден Красного Знамени, к которому он был представлен в апреле за три сбитых немецких самолета. Приказ о награждении подписал командующий Северо-Западным фронтом генерал-лейтенант П. А. Курочкин. Позднее этот документ

за № 0795 от 23 июня 1942 года был утвержден соответствующим Указом Президиума Верховного совета СССР. Но пришла и горькая весть. Однополчане сообщили Маресьеву, что в одном из воздушных боев погиб комэск Андрей Дехтяренко. Это случилось 11 июля. Маресьев тяжело переживал потерю боевого друга. Но война есть война, даже на ней нельзя привыкнуть к смерти. Не могла привыкнуть к смерти и мать Андрея, с которой после войны поддерживал связь Маресьев.

В сентябре Маресьева выписали из госпиталя и направили на реабилитацию в дом отдыха спецназначения № 1 для летно-подъемного и командного состава Красной армии. Это лечебное учреждение находилось в пригороде Куйбышева на Поляне Фрунзе (до Великой Октябрьской революции — Барбошина Поляна). Дом отдыха располагался на бывших дачах известных в Самаре купцов Соколовых — в больших, похожих на дворцы домах, с маршами лестниц, многочисленными портиками, террасами, пандусами, лепниной в виде львиных масок... Трудно было даже определить, в каком стиле эти сооружения построены. В псевдомаврикийском или каком-то другом. До войны в доме отдыха поправляли и укрепляли здоровье работники водного транспорта. Теперь же здесь набирались сил летчики-фронтовики.

Условия были хорошие: чистые палаты, калорийное питание, заботливый медперсонал. Да и окружающая природа соответствовала предназначению пансионата. Вокруг тенистые дубравы, рядом — величавая матушка-Волга. Погода также способствовала реабилитации. Стояла пора бабьего лета. Солнце, хотя и стало уже остывать, еще пригревало. Поэтому «летуны» много времени проводили на свежем воздухе: забивали «козла» в домино, играли в шашки или шахматы, прогуливались по лесным дорожкам. Да и спортивная площадка не пустовала, где можно было позаниматься на различных снарядах, поиграть в городки.

В доме отдыха у Маресьева появилось больше возможностей для освоения протезов. Утро у него начиналось обычно с физической зарядки прямо в постели. Для упражнений рук и ног он использовал эспандер. После завтрака начиналась ходьба. Маресьев старался как можно больше ходить. Маршруты выбирал самые что ни на есть трудные. Часто совершал прогулки в лес, а для этого надо было спуститься в ложбинку, подняться из нее, пройти по валежнику... Если в госпитале Маресьев через маленькое бревнышко перешагивал, то здесь он уже преодолевал более сложные препятствия. Конечно, это стоило немалых усилий,

но он не делал себе никаких поблажек, наоборот, усложнял упражнения. Глядя на Маресьева со стороны, нельзя было определить, что он без ног. Ну, идет себе человек с палочкой и идет...

Там же, в доме отдыха, Маресьев удивил всех, объявив, что переплывет Волгу. Она в тех местах, надо прямо сказать, широкая — два километра, а то и больше. Не каждый здоровый человек, умеющий плавать, отважится преодолеть такую дистанцию. А Маресьев решился и переплыл. Возможно, он проявил мальчишество. Но ведь нужно было как-то доказывать, что он в этой жизни ни в чем от других не отличается!

Вообще, спорт в жизни Маресьева всегда занимал особое место. Со временем, уже после войны, Маресьев научился ходить на лыжах, кататься на коньках, играть в волейбол, настольный теннис и даже ездил на велосипеде. По его словам, нужно было держать себя в форме и сохранять свой постоянный вес, поскольку малейшее изменение отражалось на протезах. К примеру, если полнел — ноги не могли влезть в протезы, худел — ноги болтались в креплениях.

Однако вернемся в дом отдыха. Еще одно испытание Маресьев выдержал в клубе. В выходные дни там проходили вечера танцев. На них собирались все, кто мог передвигаться. Шла война и шла жизнь. Поэтому никто не отменял человеческих радостей и слабостей. А танцы, известно, хороший способ расслабиться, отдохнуть, завести новые знакомства. В свое время Маресьев неплохо танцевал, особенно вальс. Однако теперь все надо было начинать с нуля.

В этом он убедился, когда, пригласив девушку на танец, в самом начале движения наступил ей на ногу. Левым протезом. Партнерша даже взвизгнула от боли, обозвала его медведем косолапым. Девушка не знала, что у летчика вместо ног протезы. А когда Маресьев ей об этом сказал, она едва не разревелась. Расставаясь, Маресьев пообещал девушке, что в следующий раз подобное не повторится. Слово свое сдержал. Но перед тем как пригласить девушку на обещанный танец, он упорно учился танцевать. Партнером ему стал Сергей, сосед по палате, тоже летчик. С ним и танцевал. Учеба эта стоила Маресьеву растертых до крови культий. Возвращение в небо требовало жертв.

— Только когда я уже умел кое-что, медсестры соглашались выйти со мной в круг, — вспоминал Маресьев. — Начал с вальсов, с мазурки. Потом освоил польку. Более

всего возни вышло, когда начали с сестричкой разучивать русскую — я даже ходил вприсядку, как полагается, а потом наутро не смог протезы надеть: обе культы были сбиты до кровавых мозолей. Решил усовершенствовать протезы, для чего выпросил у соседей остатки от ремней. Ребята худые были, ремни им были длинноваты, приходилось укорачивать амуницию, ну, я и забрал все остатки от ремней, потом этими кусочками сам отремонтировал протезы.

А между тем танцы действительно способствовали его скорейшему выздоровлению. По некоторым сведениям, занимаясь ими рекомендовали Маресьеву артисты Большого театра, эвакуированного в Куйбышев.

В один из дней в дом отдыха приехала выездная врачебно-летная комиссия во главе с начальником Центрального авиационного госпиталя Института авиационной медицины ВВС РККА бригадиром В. Г. Миролюбовым*. Маресьеву эту комиссию проходить уже не требовалось — его отлучили от неба еще в госпитале, сделав заключение о непригодности к службе. Но надо знать нашего героя. Вот какой диалог с председателем комиссии он приводит в своих воспоминаниях: «Я решил обратиться к нему [Миролюбову]. Прихожу туда, а хожу уже без палочки. Причем я уже научился танцевать. Я носил брюки на выпуск, тогда был в пижаме. Прихожу и говорю: “Доктор, я у вас, наверно, комиссию не буду проходить, но я бы хотел поговорить с вами. Я хочу летать”.

Он на меня смотрит:

— Если вы летчик, то будете летать.

— Мне придется прямо вернуться в госпиталь, и я хочу заранее с вами поговорить.

— А что у вас такое?

— Я на обеих искусственных ногах.

— Да что вы говорите?!

Я прошелся. Он говорит:

* Полковник медицинской службы Василий Григорьевич Миролюбов (1891 — 1957) в 1947—1952 годах был заместителем начальника Института авиационной медицины ВВС по научной работе.

— Нет, вы шутите. В самом деле?

Здесь мой врач стал уже улыбаться и говорит, что это действительно так.

— И летать хотите?

-Да.

— А ну, еще раз пройдите.

Я опять прошел. Потом говорю:

— Если вы интересуетесь, как я владею протезами, то приходите сегодня в клуб, я там буду танцевать.

Иду вечером в клуб, смотрю, туда приходит вся комиссия. Я приглашаю девушку, начинаем танцевать. После танцев подхожу к своему доктору. Он говорит, что вряд ли комиссия заметила. Тогда я опять танцую. Они здесь уже меня увидели. Говорят: “Считайте, все наши голоса за вами. Приедете в госпиталь, хирург посмотрит, скажет свое веское слово, если все будет ничего, то пройдете”».

Врачебно-летная комиссия (ВЛК) — организация серьезная и строгая. Она может поставить крест на мечте человека, если тот только собирается связать свою судьбу с небом. В ее власти в любой момент вернуть человека на землю и отобрать крылья, если тот уже летает. И, понятно, эта комиссия, проверив летчика от пяток до макушки и убедившись, что он здоров на все сто процентов, благословит его на дальнейшие полеты. Прохождение комиссии определено соответствующими приказами, инструкциями, рекомендациями. Во время выполнения переворотов, петель, бочек, пикирований, горок, других фигур пилотажа летчик испытывает на себе сильнейшие перегрузки. Отсюда вывод: без крепкого здоровья и хорошей физической подготовки человеку в воздухе делать просто нечего.

Проходить комиссию в Центральный военный клинический авиационный госпиталь, что находился в Сокольниках, Маресьев приехал сразу после завершения реабилитации. Уверенности в том, что он, безногий человек, может успешно пройти обследование, у него не было. Здорового человека не на каждую работу берут, а тут инвалид, да еще просится в небо... И он это прекрасно понимал. Рассчитывать Маресьев мог только на одно — на исключение из правил. Впрочем, даже не на исключение из правил, а, скорее, на снисхождение членов комиссии к его персоне.

Так, собственно, и произошло. Но обо всем по порядку. Проверяли Маресьева, как и положено, по полной программе. Он добросовестно ходил из кабинета в кабинет. Врачи-специалисты его слушали, смотрели, щупали, крутили, простукивали... Алексей побывал у отоларинголога, окулиста, невропатолога, стоматолога... После обследования врачи, будто сговорившись, вписывали в графу о состоянии здоровья Маресьева лаконичное слово «годен». И они не лукавили. По их части летчик хоть завтра мог отправляться в полет. Но ни хирург, ни терапевт,

конечно, такое заключение сделать не могли, однако на словах поддержали желание Маресьева летать. Затем состоялось и само заседание комиссии, на которое пригласили Маресьева.

— Значит, хотите все-таки летать? — спросил его председатель комиссии военврач И. К. Собенников, начальник отдела Института авиационной медицины ВВС РККА.

— Так точно! — привычно, по-уставному ответил Маресьев.

— На каких же самолетах? — продолжил Собенников.

— Хочу, конечно, на истребителе. Но вы все равно не разрешите, поэтому прошу допустить к полетам на У-2, — сказал Маресьев и просительно посмотрел на членов комиссии.

— А справитесь? — поинтересовался кто-то из врачей.

Неожиданно Маресьев, словно отвечая на поступивший вопрос, пустился в пляс. Плясал он задорно, даже с какой-то лихостью, прихлопывая ладонями по штанинам брюк. И тем не менее члены комиссии остались непреклонны — требования есть требования, которые они не вправе были нарушить. В выданном Маресьеву заключении комиссия признала его негодным к летной работе. Но правда и то, что ниже в документе была сделана приписка, в которой говорилось, что он «может быть допущен к проверочным полетам на самолете У-2».

Это была надежда, дававшая возможность Маресьеву идти дальше, бороться за право летать. Однако на деле оказалось все сложнее. Легче было заново научиться ходить, чем открывать двери кабинетов высокого летного начальства. Маресьев вспоминал: «Я пошел с этим решением в управление кадров ВВС [РК]К[А]. Прихожу туда, направляют меня к полковнику Вальчугину*. Тот читает бумажку. Атам написали и так, что не годен, ампутированы обе ноги. И в самом конце написали, что допущен к тренировочным полетам на У-2. Полковник прочел, что не годен, и больше не читает.

* Имеется в виду полковник Иван Ильич Вальчугин (1900—?), сотрудник Управления кадров ВВС РККА, затем Штаба ВВС РККА.

— Вы что пришли?

— Хочу на летную работу.

— Вы же не годны.

Я говорю, что комиссия мне разрешила. Он тут: “Что мне комиссия, мы сами можем здесь разобраться, да и здесь написано, что не годен и все!”

Я говорю:

— Вы прочтите, что дальше написано.

А он здесь схватился и пошел:

— У вас ног нет, а пришли сюда очки втирать.

Меня это страшно задело. Я говорю:

— Ноги у меня, товарищ полковник, есть, но ноги деревянные.

— Но вы летать не будете, как это можно!

Я говорю:

— Почитайте дальше, мне врачебная комиссия разрешила летать на У-2.

— Что мне врачебная комиссия, мы все равно вас не допустим.

Тогда я стал с ним по-другому говорить.

— Товарищ полковник, я буду летать, только прошу вас не давать сразу заключения.

А он уже спрашивает, кем я работал, и собирается искать вакантную должность для меня.

— Я прошу вас еще раз — заключения не давать. Я дойду до маршала авиации.

— Он все равно вас не примет.

— Нет, примет.

Ну, он здесь еще сильнее раскричался.

— Кто вам разрешит?

Я говорю:

— Приду по всем правилам и попрошу разрешения. И летать я все-таки буду.

— Нет, вы летать не будете.

— Нет, буду.

— Вы ходить не умеете.

Я тогда набрался нахальства и говорю:

— Это дело не ваше, как я хожу. Раз врачи дали мне заключение, что я хорошо владею протезами, я имею право просить, чтобы меня назначили на проверку, как это здесь указано.

Он начал еще что-то кричать, но я тут уже вышел.

Там стоял какой-то майор. Он спрашивает:

— Это ты там так разговаривал? А что такое?

Я ему все рассказал.

— Ну, куда ты хочешь теперь идти?

Я говорю:

— Пойду к командующему, генерал-лейтенанту Новикову*.

— А у начальника отдела кадров ты был?

— Нет, не был.

— Сходи к нему, а то неудобно шагать через его голову.

И я решил пойти к начальнику отдела кадров [правильно Управления кадров. — *Н. К.*]. Прихожу к секретарю, тот докладывает, и начальник меня принимает. Как раз это был генерал-майор В. И. Орехов.

— В чем дело?

— Меня не устраивают на летную работу.

— Почему?

Я говорю, вот так и так, полковник Вальчугин отказывает. Приходит к нему Вальчугин. Он читает документы и говорит:

— Так вы без ног?

Я говорю:

— С искусственными ногами, товарищ генерал-майор.

— Нет, летать вы не будете, что вы, что вы!!!

— Почему, товарищ генерал?

— Так вы не сможете.

Тогда я вынимаю журнал и говорю:

— Вот, летают же люди, только англичане, почему же я не смогу?

Он прочел, отложил в сторону журнал:

— Нет, все-таки вы летать не будете.

— Товарищ генерал-майор, разрешите сказать.

— Говорите.

— Я летать буду.

— Вы — средний командир и должны слушать то, что вам говорит генерал.

— Я слушаю, но все-таки я летать буду.

— Зачем это надо?

— Во-первых, я многим еще могу помочь авиации, а во-вторых, это очень интересная вещь в авиации вообще.

— Ты подумал, как ты с этим справишься?

* *Александр Александрович Новиков* (1900—1976) — главный маршал авиации (1944), дважды Герой Советского Союза (1945). С апреля 1942-го по апрель 1946 года командующий ВВС РККА, одновременно в 1942—1943 годах заместитель наркома обороны СССР по авиации.

— Все обдумал.

Он попросил меня выйти, потом снова меня позвал.

— Ладно, — говорит, — попробуем.

Ну, думаю, если попробуем, то — все. И, вот, единственный человек — этот генерал, который мне помог».

От генерала Орехова Маресьев вышел окрыленный. А

дальше — новые кабинеты, встречи с теми, от кого зависела его судьба, лаконичные резолюции на рапортах. В штабе ВВС Московского военного округа его принял заместитель командующего по военно-учебным заведениям полковник С. Е. Белоконь. Для Маресьева он оказался родственной душой, поскольку до назначения на эту должность командовал ночной авиагруппой стрелков-бомбардиров Юго-Западного фронта. В предвоенные годы был летчиком-инструктором, преподавателем в Борисоглебской авиационной школе, начальником Харьковской военной авиационной школы.

Генерал внимательно выслушал Маресьева и поддержал его в стремлении вновь вернуться в небо. Спустя годы Белоконь вспоминал: «В том, как Маресьев настойчиво просил командование допустить его к полетам, чувствовалась сила воли, мужество и готовность идти на все, лишь бы летать, идти на фронт и бить врага... После длительного разговора было принято решение послать Маресьева в Ибреси, на должность летчика-инструктора. Предварительно руководству школы было дано задание — проверить в воздухе возможность летать без обеих ног».

В первых числах октября Маресьев, получив предписание в Управлении кадров штаба ВВС Московского военного округа, уехал поездом в затерянный в лесах небольшой чувашский поселок Ибреси. Там находилась 3-я авиационная школа первоначального обучения ВВС Московского военного округа, перебазированная в первые месяцы после начала Великой Отечественной войны из города Сталиногорск*. Теперь в ней проходили переподготовку летчики, выписанные из госпиталей, и пилоты гражданской авиации. Аэродромы были оборудованы близ населенных пунктов Ширтаны, Климово и Чувашские Тимяши. Школа и аэродромы, как того требовала военная обстановка, были строго засекречены.

Штаб школы находился в здании, где раньше размещался военкомат. Дорогу туда Маресьеву показал один из местных жителей.

* Ныне Новомосковск Тульской области.

Временно исполняющим обязанности начальника школы на тот момент являлся начальник штаба майор М. Т. Литвинов, которому Маресьев доложил о своем прибытии для дальнейшего прохождения службы. Одновременно он передал майору пакет с личным делом, опечатанный сургучовой печатью. Но тот почему-то не торопился его вскрывать. Сейчас майора больше всего волновал вопрос,

почему вновь прибывший офицер одет не по форме. Вместо привычных галифе — отглаженные со стрелками брюки навыпуск, на ногах не сапоги, а отливающие блеском желтоватого цвета ботинки. Цирк, да и только! В очередной раз, подозрительно окинув взглядом Маресьева с головы до ног, Литвинов требовательно спросил:

— Почему вы, товарищ лейтенант, нарушаете форму одежды?

— Так точно, нарушаю! — без тени смущения подтвердил Маресьев. — У меня нет ног, поэтому не могу сапоги носить.

— Как нет ног? — еще больше удивился Литвинов.

— А так, товарищ майор, — последовал новый ответ.

— Зачем вы тогда прибыли в нашу школу? Кто разрешил? — засыпал вопросами Литвинов.

— Разрешение в пакете, — пояснил Маресьев.

Когда Литвинов вскрыл пакет и начал знакомиться с документами, то вопросы отпали сами собой. На рапорте, испещренном множеством коротких резолюций, выделялась одна, самая длинная: «Лейтенант Маресьев направляется в вашу авиашколу. По возможности помогите ему снова быть в летном строю». Ниже стояла подпись уже знакомого читателю Белокопя.

Затем был долгий разговор. Маресьев рассказал Литвинову о своих перипетиях, что у него целы коленные суставы ног и что он сможет научиться управлять самолетом. А в конце сказал:

— Поймите меня, товарищ майор, я не могу не летать, я должен снова сражаться!..

«И такая страстная убежденность была в его словах, — вспоминал впоследствии М. Т. Литвинов, — так уверенно показывал он свое умение двигаться на ногах, что я поверил: этот своего добьется. Я вызвал одного из самых опытных летчиков — командира 3-го отряда 1-й эскадрильи Наумова и поручил ему заняться тренировками с А. П. Маресьевым...»

Поселили Маресьева, рассказывают старожилы, сначала в здании средней школы, временно отданное под общежитие для курсантов. Затем он перебрался в Дом приезжих, где проживал вместе с другими офицерами и преподавателями вплоть до окончания своей учебы.

Не передать словами первой, после долгой разлуки, встречи Маресьева с крылатой машиной. Полгода он не слышал привычного гула моторов и порядком отвык от суетной аэродромной жизни. Хотя забывать о профессии

ему не давали кинофильмы «Истребители», «Валерий Чкалов», «Пятый океан», которые по много раз крутили в госпиталях и доме отдыха, но то было кино. Сейчас же Маресьев возвращался в реальность, в привычные летные будни. На душе, несмотря на зябкую погоду, было тепло и радостно, как в праздничный день.

По свидетельству очевидцев, Маресьев неторопливо обошел старенький, крещенный дождями, метелями и ветрами учебно-тренировочный самолет У-2. Потом, словно давнего приятеля, похлопал его своей крепкой ладонью по крылу. Невольно всплыли воспоминания о том, как на такой же машине он впервые поднялся в небо над Комсомольском-на-Амуре. Теперь ему вновь предстояло сесть за «парту» — так еще называли этот верный и надежный самолет.

Первый полет в чувашском небе Маресьев осуществил, как и планировалось, с командиром отряда И. М. Наумовым. Полет по кругу, в зону, а также ряд других несложных упражнений он выполнил уверенно. Достаточно четко была осуществлена и посадка. Наумов остался доволен действиями Маресьева. Потом сказал:

— У меня ноги замерзли, может, сам полетишь?

— Если даете добро, то я готов, — радостно ответил Маресьев.

Следующие четыре полета он выполнил самостоятельно. И вновь успешно справился с задачами. Наблюдавший за полетом Маресьева командир эскадрильи не поверил, что у летчика искусственные ноги. Как, мол, так... Когда тот приземлился, он собственноручно их пощупал. По признанию Маресьева, он тоже «сам удивился, никогда не знал, что можно так летать без ног».

Остатки октября, весь ноябрь Маресьев провел на продуваемом всеми ветрами аэродроме. Служившие тогда в школе офицеры С. В. Валуев, Н. С. Мальченко, Г. С. Емельяненко, А. П. Быков, Н. А. Арчаков хорошо запомнили, как «упорно но и терпеливо учился летать безногий лейтенант». «Вспоминая о т. Маресьеве, могу сказать, что он был человеком большой силы воли, хорошим отзывчивым товарищем, — засвидетельствовал бывший штурман Мальченко. — Он быстро прошел курс летной подготовки по специальной тренировочной программе. Командующему ВВС было доложено, что т. Маресьев может быть использован в качестве летчика на боевых самолетах».

Нередко полетам мешали надоедливые осенние дожди. Бывший сослуживец Маресьева Г. С. Емельяненко

вспоминал: «Через некоторое время после приезда Маресьева, в Ибресях на дорогах образовалась непроходимая грязь, автомашины не ходили, продукты для школы доставляли из города Канаша на лошадях. Мы с Маресьевым в дни полетов часто добирались до аэродрома пешком. Он шагал со мной рядом, поскрипывая своими протезами, и не проявлял при этом никаких признаков неудобства и усталости. Это говорило о том, что дело с полетами пойдет успешно». Обратное, после полетов Маресьев преодолевал такой же путь.

«Испытания в воздухе и последующие тренировочные полеты показали, что нет никаких препятствий тому, чтобы вернуться Маресьеву в семью военных летчиков, — так характеризовал впоследствии своего подчиненного бывший начальник школы В. М. Юков, в то время подполковник. — Его полеты восхищали молодых курсантов-летчиков, которые обучались в школе. Среди них, а также среди летчиков и техников школы он пользовался огромным авторитетом как летчик и человек.

В заключении мною было указано, что тренировка закончена успешно, к управлению самолетом нет каких-либо ограничений и что целесообразно использовать его в качестве военного летчика на самолетах-бомбардировщиках и разведывательных».

Период учебы в Ибреси навсегда отложился и в памяти Маресьева. Сохранилось его письмо от 11 марта 1967 года, адресованное местному педагогу и краеведу Н. К. Васильевой: «Я подтверждаю, что в годы войны в поселке Ибреси находилась летная школа... В школу я прибыл из санатория после ранения, получив разрешение продолжать службу в авиации. В этой школе вновь учился летать, управлять самолетом, не имея ног. О преподавателях, инструкторах, медицинских работниках и всех членах коллектива Ибресинской летной школы у меня сохранились

очень хорошие воспоминания и глубокая им благодарность за все то, что они сделали для меня». Местных жителей он тоже запомнил: «Хороший народ живет в поселке, отзывчивый и добрый».

Уезжал Маресьев из Ибреси окрыленным. Цель поездки была достигнута. В свидетельстве, которое ему выдали в школе, было записано, что он может быть допущен к полетам на различных типах самолетов. Хотя был момент, когда его чуть было не оставили в школе летчиком-инструктором. На этот счет даже пришлось соответствующее распоряжение из штаба ВВС Московского военного округа.

Но потом все утряслось, и Маресьев благополучно отбыл из Ибреси.

Правда, в Москве ему не удалось попасть на прием к командующему ВВС округа генерал-майору авиации Н. А. Сбытову, но зато ему снова удалось встретиться с полковником Белоконем. Он и доложил командующему о Маресьеве. Однако Сбытое принял решение не направлять Маресьева в боевую авиацию.

— Небо ему не закрываем, — сказал командующий. — Пусть пока в Люберцах на тихоходах полетает, а там видно будет.

Белоконь передал содержание разговора Маресьеву, но тот продолжал гнуть свою линию:

— Товарищ генерал, мне хочется летать на истребителях...

— Будешь летать, лейтенант, будешь. Все устроим, устроим... А пока облетайся, как следует, набери силенок, — напутствовал его Белоконь.

Маресьев с ответом не замедлил:

— Поскольку вы меня оставляете служить фактически в Москве, я буду вам надоедать своими просьбами.

Смело, конечно, сказал. И не равному себе по званию, а целому полковнику. Но в этом, опять же, весь Маресьев — целеустремленный, настойчивый, прямой.

Подмосковный город Люберцы, куда Маресьев получил новое назначение, в годы войны был своеобразной «авиационной Меккой». Здесь базировались части и учреждения, формировались новые авиаполки и авиабригады. Тут же в «придворном» полку учились летать и служили дети высших лиц государства, а также известных в стране людей. К примеру, в Люберцах поднимал в небо самолет сын героя Гражданской войны Василия Чапаева — Аркадий. Здесь породнились с небом Степан Микоян, Тимур Фрунзе.

В Люберцах служил сын Сталина — Василий Сталин, выпускник Каминской летной школы... Да и командующий ВВС Московского военного округа генерал-майор авиации Сбытое, направивший Маресьева в Люберцы, одно время командовал базировавшейся на здешнем аэродроме 57-й авиабригадой.

Отдельная эскадрилья связи, в которой Маресьев начал летать на «небесном тихоходе», то есть на У-2, выполняла различные задачи. Летчики доставляли почту, перевозили грузы, эвакуировали больных и раненых, осуществляли поисково-спасательные работы... Как позднее вспоминал

Маресьев, работа ему нравилась. Правда, в дальние «рейсы» он не летал. Командование не посылало, делало ему скидки, учитывая, что у него нет ног. К тому же из-за них, вернее из-за их отсутствия, наш герой нередко попадал в истории. Не обошлось без приключений и там.

Случилось это на аэродроме в Измайлове, где базировался 65-й отдельный авиационный транспортный полк ВВС ВМФ. Приземлившись, Маресьев попался на глаза командиру полка. Мороз был градусов за двадцать. А тут вдруг — явление Христа народу: лейтенант в меховом комбинезоне и... в ботиночках.

— Ко мне немедленно! — чуть ли не проревел полковник. — Кто такой?

— Лейтенант Маресьев, — невозмутимо, приложив ладонь правой руки к шлемофону, представился он.

— Отставить! Почему без унтов?! Ноги специально хочешь отморозить?! Дезертир! Самострел!

— У меня нет ног, протезы.

— Какие к черту протезы! Где унты, я спрашиваю? Кто командир звена? Вызвать немедленно!

Вскоре прибыл командир звена старший лейтенант Килосони.

— Вы во что обуты? — не унимался командир полка. — В унты, а он почему летает в ботинках?

— Лейтенанту Маресьеву унты не нужны. У него нет ног.

— Как нет ног?

— У меня протезы, — напомнил Маресьев.

— Что же ты сразу не сказал, — смягчил тон полковник.

И добавил: — Ну, тогда, извини, лейтенант...

И полковник взял под козырек.

Без малого три месяца летал Маресьев на «тихоходе». И летал хорошо, о чем свидетельствует служебная характеристика, данная Маресьеву командиром звена старшим лейтенантом Килосони и утвержденная командиром 65-й отдельной авиаэскадрильи капитаном И. П. Шпигуновым. Процитируем лишь несколько выдержек из нее: «Летать любит. Летает на самолетах У-2, УТ-1, И-16, Як-1 и Як-7. Общий налет — 700 часов. Летает хорошо. В настоящее время летает и управляет искусственными ногами. Вывод: может быть использован помощником командира эскадрильи».

Однако оставаться в эскадрилье Маресьев не собирался. Все его мысли были о скоростях, о полете на истребителе, о возвращении на фронт. Все это время он, как и обещал Белоконю, продолжал «надоедать» своими просьбами

пересадить его на истребитель. В один из мартовских дней 1943 года произошел очередной поворот в судьбе нашего героя.

В эскадрилью, где он служил, приехала делегация колхозников для передачи построенного на собранные ими деньги самолета. В годы Великой Отечественной войны патриотическое движение по сбору средств на вооружение Красной армии имело поистине всенародный размах. Люди отдавали свои последние личные сбережения на покупку танков, самолетов, пушек и кораблей.

Вот и в тот день в часть приехала группа колхозников, чтобы в торжественной обстановке вручить летчикам новенький У-2. Принимали самолет командование эскадрильи и приехавший специально на церемонию представитель штаба ВВС Московского военного округа полковник В. Д. Лякишев. К нему и обратился Маресьев, предварительно получив разрешение командира эскадрильи на встречу с вышестоящим начальником. Лякишев был в курсе дела, сказал, что в ближайшее время вопрос о его переводе в одну из истребительных частей будет решен положительно. Так оно и произошло. Маресьева по распоряжению командующего ВВС Московского военного округа направили в Иваново в 14-й запасной авиационный истребительный полк.

Однако радоваться было рано. Имеющийся у Маресьева допуск к полетам на различных типах самолетов вовсе не означал, что он может на них летать. Необходимо было еще разрешение врачебно-летной комиссии, которое у Маресьева было, но, как сказано выше, только на проверочные полеты на У-2. Поэтому командир полка майор Н. В. Бочаров вполне резонно не допустил Маресьева к полетам на истребителях и посоветовал ему вернуться в Москву, получить там соответствующее заключение врачебно-летной комиссии. Как ни обидно было Маресьеву, а все-таки пришлось вновь ехать в столицу. Читаем в его воспоминаниях: «Поехал в Москву. Приезжаю к тем же врачам. Собейников* меня сразу узнал. Правда, когда я приехал из школы, я дал ему почитать заключение, и он очень удивился, что годен я во все виды авиации. И здесь он говорит:

— Нет, ничего не выйдет, на истребителе нельзя.

— Почему же, доктор?

— Там большие предпосылки к тому, что летчикам приходится садиться с парашютом. И ты поломаешь себе ноги.

Как раз в этом журнале описывался случай, как тот

летчик прыгал с парашютом и поломал себе протезы. Потом он сделал себе протезы и летал дальше. Я говорю:

— Я не поломаю себе ноги, а поломаю протезы.

Говорили мы с ним, говорили, потом он сказал:

— Приходи завтра.

Прихожу на другой день, там сидит доктор Миролубов.

Он мне говорит:

— Давай поговорим по душам, что может с тобой случиться.

Я говорю:

— Если буду летать на истребителе, управлять я им сумею вполне, а если с парашютом буду прыгать, то поломаю себе протезы.

— Я думаю, — говорит Миролубов, — что ты поломаешь протезы и ушибеешься, но управлять самолетом ты не сможешь.

А доктор Собейников сказал:

— Да, он поломает себе ноги, но управлять самолетом сможет.

И здесь у них получились разногласия. Я влез на стол, прыгнул и сказал: “Вот, так и получится!”

Наконец Миролубов склонился к тому, чтобы разрешить. Написал бумажку: разрешаем попробовать на самолетах УТИ-4, Як-7».

Автору этих строк с помощью сотрудников Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации удалось разыскать документ, о котором ведет речь Маресьев. Это Удостоверение врачебно-летной комиссии

* В своих воспоминаниях Маресьев несколько изменил фамилию военврача, правильно — И. К. Собенников.

при отделе экспертизы Института авиационной медицины ВВС Красной армии. Именно названная комиссия освидетельствовала состояние здоровья нашего героя и дала разрешение допустить его к тренировочным полетам. Правда, подписал документ не Миролубов, как сказал Маресьев, а Собенников. Но сути это не меняет. Приведем его для читателя практически полностью:

УДОСТОВЕРЕНИЕ

Врачебно-летная комиссия при отделе экспертизы ИАМ ВВС КА освидетельствовала состояние здоровья лейтенанта 580 ИАП тов. Маресьева Алексея Петровича.

По заключению комиссии тов. Маресьев А. П. признан по ст. 49 пр. ГВСУ КА № 2-41 г. к летной работе

НЕГОДНЫМ. Прим, к ст. 73 гр. Ш-ГУ пр. НКО СССР №184-40 г. в порядке индивидуального решения к военной службе ограниченно годен на работе, не связанной с длительной ходьбой, в тылу.

Принимая во внимание огромное желание летать, хорошую функциональную приспособленность к пользованию протезами, длительный стаж летной работы, комиссия считает возможным допустить лейтенанта Маресьева к тренировочным полетам на У-2 и при положительных результатах тренировки — признать ГОДНЫМ к летной работе на самолетах типа У-2 в тылу.

Далее Маресьев вспоминал: «Я думаю: ехать в тот полк, опять ничего не выйдет, так как там требовали, чтобы написали черным по белому, что разрешаем. Тогда я прихожу к майору Ширяеву и прошу, чтобы меня опробовали здесь. И я стал летать в Люберцах с майором Абзианидзе. Сделали мы с ним полет на УТИ-4. Он спрашивает:

— Как себя чувствуешь?

Я говорю:

— Сижу, как в своей машине.

Он говорит:

— Я тоже ничего не могу сказать против.

В конце концов, написали заключение: годен на все истребители. Я с этим заключением — к врачам. Те читают и не верят. Я говорю: “Ну, что же теперь мне делать?” Они говорят: “Давайте начальника штаба этой части и летчика, с которым вы летали. Мы все соберемся и дадим окончательное заключение”.

Я тогда пошел в отдел кадров просить, чтобы их затребовали в Москву. Они приехали на комиссию, и комиссия дала совместное заключение: разрешаем тренировочные полеты по специальному курсу обучения и, если покажет хорошие результаты, то считать годным в истребительную авиацию. С этим заключением я поехал в ЗАП* и там начал тренироваться».

И на этот счет есть документ, на основании которого Врачебно-экспертная комиссия Института авиационной медицины ВВС Красной армии допустила нашего героя к тренировочным полетам в истребительной авиации:

АКТ

23 марта 1943 г. комиссия в составе: начальника Центрального Авиационного госпиталя ИАМ КА полковника м/с Миролубова В. Г., начальника 4 отдела

Института полковника м/с Собенникова И. К., начальника штаба 937 ИАП майора Анисимова и штурмана-летчика того же полка майора Абзианидзе рассматривала вопрос о допуске к летной работе в истребительной авиации лейтенанта Маресьева А. П., прошедшего испытательный полет на УТИ-4 13 марта 1943 г. в 937 ИАП с положительным результатом.

Комиссия считает возможным допустить лейтенанта Маресьева к вывозным тренировочным полетам по курсу боевой подготовки истребительной авиации 1943 г. по первому разделу. При наличии положительных результатов тренировочных полетов лейтенант Маресьев может быть допущен к летной работе в истребительной авиации ПВО страны.

Но и этот документ еще не стал пропуском Маресьеву в истребительную авиацию. Последнее слово было за флагманским врачом ВВС РККА генерал-майором медицинской службы Л. Г. Ратгаузом, на имя которого Собенников 24 марта направил рапорт. В нем председатель Врачебноэкспертной комиссии Института авиационной медицины написал, что «поскольку случай этот является единственным в экспертной практике, считаю необходимым довести о нем до Вашего сведения. Командирую лично лейтенанта Маресьева, чтобы продемонстрировать, насколько

* Запасной авиационный полк.

хорошо он пользуется протезами». К рапорту был приложен приведенный выше акт.

Неизвестно, ездил ли Маресьев лично к генерал-майору медицинской службы Ратгаузу, но ответ за подписью его заместителя уже через два дня был дан: «Для решения вопроса о допуске лейтенанта Мересьева А. П. [так в документе. — *Н. К.*] к летной работе на самолетах истребительного типа, флагманский врач ВВС КА генерал-майор медицинской службы Ратгауз Л. Г. принял следующее решение: тов. Мересьева необходимо проверить на учебно-тренировочном истребителе в течение 10—15 дней, дав ему нагрузку по 3—4 вылета в день. В процессе этой тренировки за тов. Мересьевым необходимо наблюдение инструктора и врача. По окончании тренировки тов. Мересьева необходимо с письменным заключением наблюдавших лиц направить в ВВС КА к флагманскому врачу».

Так окончательно решилась судьба Маресьева на полеты в 14-м запасном истребительном авиационном полку (заип). Этот полк, базировавшийся в окрестностях города Иванова, был такой же учебно-боевой воинской частью ВВС, что и 16-й запасной истребительный авиационный полк, находившийся под Куйбышевом, где Маресьев в октябре 1941 года переучивался на Як-1. Здесь также занимались обучением, подготовкой и переучиванием летного состава строевых частей, осуществляли подготовку маршевых полков и отдельных экипажей.

Разница состояла лишь в том, что в 14-м заип переучивание шло еще и на истребителях иностранного производства, в частности на британских «Харрикейнах», американских «Киттихоках» и «Аэрокобрах». Их перегоняли с Аляски через Берингов пролив и всю Сибирь. Заокеанскую технику в рамках ленд-лиза поставляли США — союзник Советского Союза в войне с Германией. Облет «иностранцев» проходил на аэродроме Южный, а советские крылатые машины Ла-5, Як-7, Ил-4, УТ-2, другие типы самолетов летчики осваивали на аэродроме Северный.

На аэродром Северный и прибыл на попутном транспортнике Маресьев. Налетном поле в тот момент оказалось много полкового люда — летчики, технический и обслуживающий состав чистили взлетную полосу от выпавшего накануне снега. Неожиданно их внимание привлек летчик с тростью в руках, с чемоданчиком, в брюках навыпуск, в ботинках и меховой куртке. Летчики, известно, народ веселый, острый на язык.

— А это что за пижон? — с удивлением, не без улыбки сказал летчик-инструктор капитан Михаил Каснерик, глядя на шагающего Маресьева. — И как ему не холодно в ботиночках...

— Ботиночки-то фасонистые, — включился в разговор еще кто-то из летчиков-инструкторов.

Никто из них тогда даже не подозревал, что к ним прибыл служить безногий летчик. Узнали они об этом, когда поближе познакомились с Маресьевым. Даже неловко как-то получилось. Однако прозвище «Пижон» за ним так и закрепилось.

Летчиком-инструктором к новичку назначили уже упомянутого капитана М. К. Каснерика. Учиться Маресьеву предстояло на истребителе Ла-5, внешне чем-то похожем на И-16, на котором он воевал летом 1941 года. «Лавочкин» — так летчики называли эту крылатую машину — являлся современным истребителем. У него были хорошие

технические данные. По скорости полета на малых и средних высотах, а также по характеристикам вертикального и горизонтального маневра он значительно превосходил немецкий истребитель РЛМ90А. Ла-5 имел и мощное вооружение, состоящее из двух пушек калибра 20 мм с общим боезапасом 340 патронов. В воздушном бою огонь пушек буквально разрывал немецкие самолеты на куски. Осваивать Маресьеву эту машину было сначала нелегко, поскольку она отличалась тяжелым управлением руля поворота. Но с помощью опытного летчика-инструктора, а именно таким был капитан Каснерик, все трудности остались позади.

Каснерик впоследствии вспоминал: «С Маресьевым он сработался. Учеником он был отличным: во время полета не спорил, все запоминал, к советам прислушивался. О том, что у него нет ног, никогда не говорил, был как все. Потом в один прекрасный день сам сел и самостоятельно взлетел на Ла-5».

В свою очередь Маресьев всегда с теплотой отзывался о своем наставнике. На первых занятиях он начал «рулить» на земле, а затем наступил день, когда Маресьев самостоятельно поднял самолет в воздух. Совершив посадку, он со слезами расцеловал своего инструктора

— Ты вернул меня в строй — я буду воевать, — были слова Маресьева.

Уместно добавить, что дружба между Михаилом Константиновичем Каснериком и Маресьевым, начатая на ивановском аэродроме, продолжалась многие годы. Каснерик дослужился до полковника, был награжден пятью орденами Красной Звезды и удостоен звания заслуженного военного летчика СССР.

Благодарен был Маресьев еще одному летчику-инструктору — капитану Николаю Алексеевичу Лаптеву. Опытный наставник, он приложил много усилий для того, чтобы его ученик успешно освоил новую машину. К слову сказать, среди подопечных Лаптева были летчики-французы из знаменитой впоследствии эскадрильи (позже полка) «Нормандия-Неман», а также будущий прославленный ас, трижды Герой Советского Союза маршал авиации И. Н. Кожедуб.

Учеба Маресьева в запасном полку продолжалась вплоть до июня 1943 года. Но примерно с середины апреля жизнь на всех его аэродромах стала еще более насыщенной. Работали они с большой нагрузкой, чуть ли не круглые сутки. В разговорах летчиков, улетающих эскадрильями и

полками на новые места базирования, все чаще и чаще упоминались Воронежский, Центральный, Западный и Брянский фронты. Именно там назревали переломные события в войне.

Ждал своего часа, чтобы отправиться на фронт, и Маресьев. Однако проходили дни, недели, а его будто не замечали. В этом ничего не было удивительного: кому нужен безногий летчик?..

Вот лишь одно из подтверждений. «Мне говорят, Володя, а ты знаешь, среди нас есть летчик, который летает без ног и собирается на фронт с нами лететь. Вы знаете, я удивился. Действительно, было дико!» Эти слова произнес лейтенант В. Н. Дубровский, однополчанин Маресьева. Пройдет время, и они крыло к крылу будут летать на боевые задания. Но тогда Дубровский мало верил в то, что безногий летчик будет сбивать немецкие самолеты. Как не верили и другие летчики.

Между тем в 14-м запасном полку начали «сколачивать» очередную эскадрилью для отправки на фронт. При поддержке своих наставников Каснерика и Лаптева Маресьева включили в ее состав. Вскоре с Брянского фронта за новым пополнением прилетел «покупатель» — штурман 63-го гвардейского истребительного авиационного полка Герой Советского Союза А. А. Федотов. Сначала Федотов ни в какую не хотел брать с собой Маресьева.

— Что прикажете с ним делать?! — не скрывал эмоций Федотов. — Он же без ног! Нам только инвалидов в полку еще не хватало...

— А что ноги? Педали хвостового оперения и торможения он может нажимать и протезами, — убеждал «покупателя» Каснерик.

Каснерику вторил Лаптев:

— Маресьев — летчик что надо...

В конце концов летчики-инструкторы всеми правдами и неправдами сумели уговорить Федотова его взять. Тот лишь махнул рукой:

— Ладно. Есть контакт! Беру, летим!